

Скрытая угроза

Автор:

[Дрор Мишани](#)

Скрытая угроза

Дрор Мишани

Детектив из Тель-Авива Инспектор Авраам Авраам #2

Инспектор тель-авивской полиции Авраам всегда любил повторять, что в Израиле потому не пишут закрученных детективов на западный манер, что преступления в этой стране на редкость обыденны и просты – и никак не потянут на изысканный, запутанный сюжет. И очередное рутинное дело о муляже взрывного устройства, подброшенном в детский садик, никак не предполагало обратного. Однако более непростого и странного случая в его карьере еще не бывало...

Дрор Мишани

Скрытая угроза

Часть I

В безбашенной круговерти длинного брюссельского лета, в радостной бездумности этих дней вдруг прорезалась трещина, и из этой трещины на него – вернее, на них обоих – глянула иная действительность.

В тот день они кайфовали на тенистой скамейке, стоявшей на широкой аллее Брюссельского парка, возле Музея современного искусства. Авраам Авраам

сидел, а Марьянка лежала, положив голову ему на колени. Стрелки показывали предвечерние шесть часов, в голубом небе ни облачка. Она читала, а он гладил ее короткие волосы. На книгу уже не было сил, потому что Авраам чуть ли не целый день читал детектив Бориса Акунина, сперва в их квартирке, а потом в двух кафешках, – ждал, пока у Марьянки закончится смена. И, как всегда, в конце он сумел доказать себе, что сыщик, герой романа, дал маху.

Вдруг сзади раздался визг.

Воплей той чернокожей Авраам не разобрал, но увидел, что она направляется к ним. Она била себя по голове, царапала лицо, а он сидел и глядел на нее. Марьянка встала и пошла к этой женщине, высокой и одетой в рваное, похожее на саван платье. На ногах у нее было несколько пар толстых шерстяных чулок и сандалии. Марьянка остановилась возле нее и о чем-то заговорила, а потом схватила женщину за руку, чтобы та перестала себя истязать.

– Кто-то утащил ее дочь, – сказала она Аврааму по-английски. – Ищет ее по всему парку и не может найти. Провожу ее к полицейскому посту.

– Пойти с тобой? – спросил инспектор, но все же остался сидеть на скамейке возле рюкзака и Марьянкиной открытой книжки, глядя, как они удаляются. Марьянка одной рукой обхватила женщину за талию, а другой держала ее за кисть. Возле Авраама валялся ее пластиковый мешок, из которого торчали другие пластиковые мешки. Бесчисленные мешки из игрушечного магазина «Тойсрус».

Вернувшись, Марьянка села чуть поодаль от него и попросила сигарету. Он увидел, что она плачет.

– Ну нашли? – спросил инспектор.

Молчание.

– Марьянка, ее нашли? – повторил Авраам. – Ее кто-то похитил?

– Нет у нее никакой дочери, – ответила девушка. – Полицейская ее знает. Она уже три недели болтается в парке. Сначала они ее дочку искали, а потом узнали, что

никакой дочери нету. Во всяком случае, в Брюсселе. Она несколько лет назад приехала из Конго. И так вот терзает себя, пока не грохнется в обморок.

Дома они сидели за ужином, который Авраам приготовил перед уходом. И всё больше молчали.

На следующее утро это чувство прошло, но в тот вечер инспектору вдруг показалось, что все, что может пойти наперекосяк, пойдет наперекосяк.

И так оно и случилось.

1

Когда спустя три месяца Авраам Авраам впервые вошел в следственную камеру, его пробрала дрожь. Кондиционер работал с самого утра, и в камере стояла настоящая стужа. Инспектор помнил, как сидел здесь в последний раз, а напротив – та женщина.

За прошедшие месяцы он не раз думал о следующем расследовании, которое станет проводить в этой камере. Представлял, как в первый раз войдет сюда, спокойный и уверенный в себе, думал о первых вопросах, которые задаст твердым голосом. Это необязательно должно было случиться в первый же день. Но случилось – и, может, оно было к лучшему. Будто прыгнул со скалы в бурное море.

* * *

Первое, что он увидел, усевшись напротив подозреваемого, – узкое смуглое лицо, черные глазки, а потом тощие руки с выступающими венами. Грязные ладони и грязные ногти. Роста среднего, худой, небритый, лет этак тридцати. Подозреваемый сидел на другом конце длинного стола.

– Кто вы? – спросил он.

Авраам не стал отвечать. Он сидел, раскладывая на столе бумажки, как будто был один в комнате. Чтобы вникнуть в суть дела, материалов, находившихся в

папке, было недостаточно. Полицейский бегло просмотрел их, пока разговаривал с коллегой, работавшей в патруле и задержавшей подозреваемого рано утром.

Согласно ее рапорту, отправленному в участок в шесть сорок четыре, поступило сообщение о подозрительном предмете. И хотя тревога могла быть и ложной, да и полицейских в городе не хватало, на улице Лавон тут же выехала патрульная машина. Полицейские не смогли выявить, о каком именно участке идет речь, и по их просьбе информационная служба связалась с позвонившей им женщиной, которая в халате спустилась на улицу и указала им дорогу. Через десять минут там уже была команда саперов, которая перекрыла движение транспорта и пешеходов и начала приготовления к обезвреживанию подозрительного предмета.

При первоначальном осмотре в подброшенном чемодане был обнаружен будильник, соединенный электрическим проводом с бутылкой из-под безалкогольного напитка «Севен Ап», в которой была непонятная жидкость, и с чем-то напоминающим взрывное устройство. Согласно записи саперов, в семь пятьдесят чемодан был взорван.

За минуту до того как открыть дверь следственной камеры, Авраам послал Марьянке эсэмэску: «Приступаю к внеплановому расследованию. Как закончу, сразу позвоню», и она тут же ответила: «Отпуску гуд-бай? Удачи!»

Все было готово. Диктофон включен. Авраам попросил подозреваемого назвать свое имя, и тот сказал:

– Амос Узан. Вы мент? А вы в курсе, что я торчу здесь уже пять часов?

Инспектор не удостоил его ответом.

– Дата рождения?

– Моя? Десятое июля восьмидесятого года.

– Адрес?

- Ционут, двадцать шесть.

- В Холоне?

- Нет, в Лос-Анджелесе.

- Профессия?

- Дирижер оркестра, - ухмыльнулся Амос Узан. - Нету у меня профессии. Напишите, что я нынче безработный.

Согласно рапорту патрульной, Узан музыкантом не был. А был поваром в кафе «Ривьера» на набережной в Бат-Яме, потом - владельцем небольшого сервиса буксировки мотоциклов, а еще позже - хозяином маленького киоска в центре Холона. Кроме доходов от этих заведений он, видимо, потихоньку промышлял левыми делишками вроде работы наркокурьером и продажи гашиша. Родился в Бат-Яме и вырос в семье, известной социальным службам, без отца и с двумя старшими сестрами. Из гимназии вылетел. Мать его - косметолог. Первое дело на него завели, когда ему было пятнадцать. Они с дружкой угнали тачку.

Авраам взглянул на него и снова уставился в бумаги. А потом сказал:

- Вы подозреваете в том, что сегодня рано утром подкинули к детскому саду на улице Лавон...

Но Узан прервал его:

- О чем это вы? Человек выходит поутру прогуляться, а его - царап! Да что у меня общего с детским-то садом?

- Выясним.

- Чего? Какие у вас вообще доказательства?

* * *

Из беглого просмотра дела и короткого доклада патрульной вытекало, что доказательств нет. Амос Узан был арестован благодаря смекалке полицейской, которая еще до обезвреживания муляжа взрывчатки взяла подробные показания у свидетельницы – той, что позвонила в справочную службу. Эта шестидесятичетырехлетняя пенсионерка встала рано поутру, чтобы убраться перед Рош ха-Шана[1 - Рош ха-Шана – еврейский Новый год, который празднуют два дня подряд в новолуние осеннего месяца тишрей (тишри) по еврейскому календарю (приходится на сентябрь или октябрь). С этого дня начинается отсчет дней нового еврейского года.]. Она раздвинула в гостиной жалюзи и разложила на подоконнике ковер для просушки, а выбивать его решила только после восьми утра. Ее муж еще спал. Раскладывая ковер, свидетельница заметила мужчину, который вошел во двор дома номер шесть на улице Лавон. Вернее, на самом деле она увидела не как он вошел, а как пригнулся в кустах и шарил там. Сперва женщина решила, что это жилец, у которого что-то упало в кусты сверху, но потом рассмотрела, что он находится за кустами, у ведущей к детсаду тропинки, и прячет там какой-то чемодан. Почему это показалось ей странным? Да потому что в нескольких метрах оттуда стояли мусорные баки, и будь он жильцом этого дома, то бросил бы чемодан туда. И зачем прятать его так осторожненько, за кустами, вместо того чтобы поставить на тротуар? Дом свидетельницы стоит на краю улицы, но обзор из окна неплохой. Немного мешают деревья и электрический столб, но они не скрыли этого человека. По подсчетам полиции, женщина наблюдала за подозреваемым больше минуты, и исчез он не сразу, а, наоборот, оставался там, оглядываясь по сторонам. Свидетельница побоялась, что, несмотря на расстояние, он заметит ее, и отступила назад, в гостиную. Когда же она снова высунула голову, то увидела, что незнакомец уже направляется в другую сторону, пересекая улицу Аронович. Не бежит, а медленно идет. И ей показалось, что вроде как прихрамывает. Описание, которое она сделала, как и следовало ожидать, было схематичным. Подозреваемый был низкорослым, худым и, если ей не изменяет память, в тренировочных брюках и фуфайке, коричневой, а может, другого темного цвета, с капюшоном. Черт лица женщина не разглядела.

Получив это сообщение, сотрудница полиции в считанные минуты распознала описанного свидетельницей подозреваемого в толпе людей, сгрудившихся в конце перекрытой улицы. Он глядел на то, как взрывают подозрительный предмет, и явно нервничал. Патрульная потребовала у него удостоверение личности, и он драпанул.

Ему удалось отбежать от нее на несколько десятков метров, но один из стоявших там полицейских все же поймал его. Никакого удостоверения

личности у Узана не было, и попытку побега он отрицал, как и какое-либо отношение к чемодану. Мужчина уверял, что оказался там, потому что вышел купить хлеба и молока. Он отказывался назвать номер своего паспорта, но его убедили это сделать. При проверке в уголовной базе данных выяснилось, что на нем висит несколько дел, в основном связанных с передачей наркоты.

- Доказательства мы предъявим, когда посчитаем нужным, - сказал Авраам. - А пока расскажите, что вы делали утром на улице Лавон.

- Да что и любой другой. Воздухом вышел подышать, - ответил Узан.

- Нашей сотруднице вы сказали, что пошли за хлебом и молоком. То есть свою версию вы меняете?

- Что я ей сказал? Никакой версии я не менял. Я вышел подышать свежим воздухом и купить молока.

- И шли за ним до самого Лавона? Далековато от вашего дома.

- Ага.

- И что так?

- А почему я должен вам отвечать? Имею право покупать молоко, где захочу, разве не так?

- Отвечать вы не обязаны. Запишу так: «Не пожелал объяснить, что делал на улице Лавон».

В отличие от предыдущего расследования, перед Авраамом сидел подозреваемый, хорошо знакомый с полицейскими следственными камерами. Когда ему задавали вопрос, который мог его запутать, он отвечал не сразу, а медлил, пока не находил подходящий ответ.

- Я пошел туда, потому что в нашей лавчонке сильно задолжал. Теперь ясно? - сказал он.

- А зачем вы остановились смотреть на разминирование?

- Знаете, сколько туда нахлынуло народу? Нашли подозрительный предмет. Я и остановился взглянуть, что да как.

- А когда наша сотрудница попросила предъявить документы, сбежали?

- Да не сбегал я, я ей это уже объяснил. Я как раз собрался уходить и не расслышал, как она меня позвала. И тут два мента накидываются на меня и заявляют, что я драпаю...

- А вы вовсе и не драпали?

- Вы что же, решили, что я драпанул? Поверьте мне, если б я решил драпануть, ни один мент меня не захапал бы!

Что-то в ответе Амоса смутило Авраама. Он открыл рапорт об аресте и понял, в чем дело, после чего поднял глаза и обвел ими комнату, будто оценивая ее размеры. С потолка ее освещали две флюоресцентные лампы. На фотографии Узана, лежавшей в папке с его делом, лицо было гладко выбритым, но с тех пор у него отросли усики в стиле Чарли Чаплина, которые, в отличие от ногтей, выглядели очень ухоженными.

- А где же хлеб и молоко? - спросил инспектор.

- Чего?

- Где хлеб и молоко, которые вы купили?

- Не успел. Улицу-то перекрыли.

Авраам улыбнулся.

- Ясно. Так вы, наверное, дико проголодались... Да и, в общем-то, какая у вас связь с детским садиком?

– Никакой у меня связи ни с каким детским садиком! Слава Господу, у меня нет детей.

– Зачем же вы тогда подбросили туда чемодан с муляжом взрывчатки?

– Да вы спятили! Говорят же вам, что никакого чемодана с муляжом взрывчатки я не подбрасывал. У вас всех точно солнечный удар.

Возбуждение улеглось. Вместе со страхами, возникшими у Авраама с приходом в эту комнату. Он сидел в правильном месте. Стал самим собой, вернулся к своей должности, к делу, которое умел выполнять лучше всего другого. Если б Узан знал, что бомба в чемодане – просто муляж, он бы так не влип. Инспектор предложил ему налить себе воды из кулера, стоявшего в другом конце комнаты, возле двери, но Амос отказался:

– Я пить не хочу.

– Попить нужно обязательно. Мы тут проведем еще несколько часов, и вам следует попить. А не то – обезвоживание организма. Идите попейте.

Авраам подождал, пока Узан встал с места и двинулся к кулеру. По пути он прошел мимо полицейского. Налил в пластиковый стаканчик холодной воды и снова прошел мимо него. Шел Амос гибким, неслышным шагом. Если верить свидетельнице, подозреваемый, подложивший чемодан к детскому саду, убежал медленно и, как ей показалось, прихрамывая. А патрульная, осуществившая арест, вроде бы доложила, что Узан, когда она попросила его предъявить паспорт, поскакал очень бойко, да и сейчас никакой хромоты у него не было.

У Авраама оставалось всего несколько часов для того, чтоб решить, направлять ли Амоса на продление ареста, и было уже ясно, что этого не случится. На часах было полтретьего. Из Узана слова не вытянешь, и к вечеру, самое позднее завтра утром, его отпустят домой. А инспектор до сих пор не знает, освободит ли он невинного человека, вышедшего поутру подышать свежим воздухом да купить пакет молока и буханку хлеба и арестованного по ложному подозрению, – или же выпустит типа, который утром подложил на ведущую к детсаду тропинку чемодан с чем-то вроде муляжа взрывчатки.

– У нас также есть свидетельство, что человек, подкинувший чемодан, был в фуфайке с капюшоном, – сказал он. – Разве не странно, что в такую жару человек надевает фуфайку с капюшоном?

– Да что вы из себя строите?! – разорался Узан. – Какое вам дело до моей одежды?! Может, я утром мерзну... А чего вы нацепили на себя полицейскую форму?

На самом деле Авраам не был одет как полицейский. Вместо униформы на нем были белые, по щиколотку брюки и новая рубашка персикового цвета. Формально он еще числился в отпуске.

* * *

Он вернулся в Израиль за несколько дней до этого. В начале сентября. У него еще оставалось несколько дней отпуска, до окончания Рош ха-Шана, и он собирался посвятить их подготовке квартиры к приезду Марьянки. Ранним утром, как только рассвело, Авраам поехал на море в Тель-Авив, по щиколотку погрузил ноги в воду и, глядя на мягкие волны, закурил первую сигарету. Вода была теплой. Когда он был в Брюсселе, то до непонятности скучал по морю. На улице дул хамсин, какой приходит в конце лета, было нечем дышать, но внутри инспектор чувствовал легкость, какой раньше и не ведал. Он носил теперь тонкие просторные рубашки таких расцветок, про которые прежде и не думал, что станет надевать подобное. Марьянка сказала, что они ему жутко идут. Они решили, что когда она приедет, то вместе обустроят квартиру. Купят разные электроприборы, которых не хватает, подновят стены и покрасят их в более живые цвета. Может, даже переделают ванную комнату и кухню. Авраам решил начать менять кое-что уже сейчас. Главное – это выбросить старый хлам. Закопченные кастрюли и потрескавшиеся тарелки из кухни, выцветшее постельное белье, застиранные полотенца... Он запихнул в нейлоновые мешки шмотки, которые уже не наденет, и освободил полки в шкафу, стоявшем в спальне.

Когда утром Авраам вошел в участок, Давид Эзра встал из-за стойки дежурного и обнял его.

– Всё? Вернулся наконец? – спросил он.

– Еще не совсем. Приехал познакомиться с новым начальством. Ты его уже видел? И как оно?

Давид подмигнул. Почему – Авраам не понял.

– Сам решишь.

Инспектор прошелся по комнатам, постучался в полуоткрытые двери, ответил на предсказуемые вопросы про отпуск и про Марьянку. С большинством коллег Авраам встретился с удовольствием, и они с радостью его приветствовали. Включив свет у себя в кабинете, он снова поразился тому, какой же тот крошечный. Но эта теснота была приятной и какой-то успокаивающей, а отсутствие окна давало чувство защищенности. Стены пустые и близкие друг к другу. Инспектор уже три года собирался что-нибудь повесить на одну из них, но что – не знал. Сейчас вот подумывал о репродукции какой-то картины, очень пестрой, с кучей деталей – она жутко ему понравилась, когда они с Марьянкой сбежали от дождя в Музей современного искусства...

Компьютер был выключен, и Авраам включил его.

Все покрывала пыль. Серый слой на столе, на полках и на черной настольной лампе. И как это пыль влетает в комнату без окна? В мусорной корзине – клочки коричневого конверта и несколько смятых бумажек. Инспектор уже и не помнил, что выбрасывал их.

* * *

Ровно в двенадцать Авраам Авраам остановился у дверей кабинета на третьем этаже – ему было сказано подождать, пока полковник Бени Сабан закончит беседу по телефону. Пользуясь моментом перед беседой с новым начальством, он послал Марьянке эсмэску: «Расскажу, как прошло. Целую». Секретарша тоже разговаривала по телефону на посторонние темы.

Наконец Сабан вышел и пригласил Авраама в кабинет. Он пожал ему руку и сказал:

– В бардаке, что мне тут оставили, голову сломишь.

Затем он указал инспектору на стул и предложил кофе.

– Половина народа болеет, будто мы в разгаре зимы. А вторая половина в отпусках. Работников – ноль, а с утра уже ограбление банка со взломом, взрывчатка, которую подложили к детскому саду, и кто-то пытался поджечь себя на крыше конторы соцстрахования. Тут сидят граждане, которые с пяти часов ждут, чтобы подать жалобу, и задержанные, с которыми я понятия не имею, что делать. И следователей нет, а если я до вечера кого-то к ним не приставлю, надо распускать их по домам.

Авраам сказал, что кофе уже пил.

Сабан вызывал у него любопытство. Личико у него было детское, да и гладкие каштановые волосы падали на лоб, как детская челка. На столе было прибрано. Никаких папок и бумажек, не считая тонкой стопки листков, на которых были напечатаны короткие строки крупным шрифтом «Готова для чтения». Новый шеф еще не успел принести в кабинет личные вещи, так что там ничего не изменилось. На стенах висели те же грамоты и благодарности, врученные их округу.

– Могу я чем-нибудь помочь? – спросил Авраам.

Сабан рассмеялся:

– Можете устроить мне к вечеру пять штатных единиц?

Без стука вошла секретарша; она поставила перед ним стеклянную тарелку, на которой стояла большая чашка с кипятком и лежали два бублика. Бени снова спросил у Авраама, не хочет ли тот кофе.

– Может, она же их и допросит, – сказал он, когда секретарша вышла.

О назначении Сабана на должность начальника округа Авраам услышал еще в Брюсселе, по телефону от Элиягу Маалюля. Раньше он с этим новым боссом не встречался и ничего о нем не знал, кроме того, что в последние три года тот был начальником Северного округа, а до этого – помощником начальника отдела военного планирования и операций. Он не был ни следователем, ни

оперативным работником и продвинулся в основном по административной линии. Руки у него были маленькими и гладкими, а рукава рубашки хорошо отутюженными. Он то и дело откидывался на спинку кресла и вдруг снова наклонялся вперед и клал руку на стол, после чего брал ручку и рисовал резкие черточки на лежащем перед ним листке. Глаза его непроизвольно моргали. На минуту он уставился на Авраама – и тут же заморгал, словно его что-то ослепило, опустил взгляд на стол и словно случайно прикрыл глаза своей маленькой рукой.

– Но вернемся к нашим делам. Я знаю, что вы свой отпуск еще не догуляли, но мне было важно пригласить вас для предварительного знакомства и услышать, что вы возвращаетесь и все нормально. Ходили слухи, что вы не вернетесь.

Авраам ответил, что невозвращение в его планы не входило, и Сабан кивнул:

– Очень приятно. Я рад. Я слышал о вас много хорошего, а хорошие люди нам нужны. Я просмотрел ваше предыдущее дело. А также отчет, написанный Иланой Лим. И не думаю, что в том, как вы это следствие провели, была какая-то запинка. Я полностью вас поддерживаю. Начинаем с чистого листа. Виновные понесли наказание, а мы идем дальше.

Сабан снова моргнул и попытался улыбнуться.

Авраам понятия не имел об отчете Иланы Лим, касающемся предыдущего расследования. По чьей просьбе она его написала? Кто его читал? И почему ему самому она ничего не сказала? Во время его отпуска они несколько раз общались по телефону, и Илана про отчет словом не обмолвилась...

– Спасибо, – сказал Авраам Сабану. – Не знаю, что вы читали и где, но следствие, о котором вы говорите, – дело прошлое.

– Прекрасно. Прекрасно, рад слышать. Кстати, если вы уже здесь, я был бы рад, если б вы остались после обеда, поднять с нами рюмочку в честь моего назначения. Не возражаете? Я имею сказать пару слов о том, какими вижу цели полиции округа.

Авраам пообещал, что постарается присутствовать, и Бени добавил:

– Знаете что? Возьмите эти листочки. В крайнем случае почитаете дома. Я отпечатаю для себя новые. Это мое представление о нашей совместной работе в ближайшие годы.

Судя по его влажным и прилизанным волосам, он утром, перед работой, сходил в парикмахерскую. Может, и его явная нервозность была связана с речью, которую он собрался произнести после обеда? Авраам поблагодарил нового начальника, сложил листочки с текстом речи и сунул их в карман рубашки.

– Так когда мы встречаемся уже официально? – спросил Сабан. – Когда вы приступаете к своим обязанностям?

– После Рош ха-Шана, – сказал Авраам. – Но, в общем-то, если у вас нет под рукой никого из следователей, я могу допросить кого-нибудь из обвиняемых. Не проблема задержаться на пару часов.

Бени заколебался, и это задело инспектора.

– Но ведь вы еще в отпуске, да? – спросил он. – И я думал, будет неплохо, если вы войдете в дела постепенно. Может, присоединитесь к группе, которая уже начала расследование... Жалко ваш отпуск.

Аврааму вдруг захотелось прямо сейчас войти в следственную камеру. Именно из-за колебаний Сабана.

– Я могу остаться, – сказал он. – Скажите, что там самое срочное.

– Мне нужно проверить, – ответил Бени. – Может, тот, кто подозревается в подкладывании муляжа взрывного устройства... Ждет почти пять часов. И у нас на него ничего, кроме записей о прежних судимостях.

– Ну так дайте мне пару минут на изучение материала, и я зайду к нему. Вам про его дело что-нибудь известно?

Сабан все еще не был уверен, что поступает правильно.

– Да мало что, – сказал он. – Возможно, речь идет о криминальных разборках или о соседских склоках... Вопросы: почему муляж взрывного устройства и почему к детскому саду. Муляж бомбы – это предостережение, верно? Тогда еще вопрос: кого желают предостеречь и в чем суть предостережения. А главное – как предотвратить следующий шаг, прежде чем он сделан. Ну и самое главное – связано ли это с детским садом. Этот подозреваемый или кто-то другой подложил муляж при свете дня, в часы, когда родители приводят в садик детей, и это не дает мне покоя. И еще не дает покоя мысль, что в следующий раз это будет уже чемодан с настоящей бомбой.

Авраам хотел позвонить Марьянке и рассказать о встрече с Сабаном, но решил, что сделает это, когда выйдет из следственной камеры. А потом пошла такая гонка, что хотя инспектор и не забыл о своем решении, позвонить он не успел. Часовой допрос Амоса Узана не дал ничего. Даже наоборот. Это противоречие между показаниями соседки про хромоту и пружинистой походкой Узана. И его отпирательства, становившиеся все более агрессивными. На чемодане никаких отпечатков пальцев, и эксперты не нашли на месте преступления ничего, что связывало бы его с подозреваемым. То же самое и в квартире, в которой Амос проживал с матерью. Патрульная привела ту самую соседку, чтобы та посмотрела на подозреваемого, и женщина уже была не столь непоколебима в своих показаниях.

– Может, и он, – сказала она. – Откуда ж мне знать наверняка? Вы ведь понимаете, с какого расстояния я его видела?

Авраам спросил ее про хромоту, и в этом она как раз не сомневалась. Мужчина, подложивший чемодан, убежал по улице Аронович медленно и прихрамывая.

В полчетвертого инспектор перевел Узана в камеру предварительного заключения и закрылся в своем кабинете, чтобы поразмышлять. Как делал всегда в начале расследования.

Авраам еще не был на месте происшествия и знал только, что чем скорее туда отправится, тем лучше. Он не помнил, есть ли на улице Лавон светофор: если есть и водители останавливаются перед ним, может, отыщется еще какой свидетель, видевший подозреваемого – как тот подкладывает свой чемодан или как потом удирает... Инспектор выяснил, спрашивал ли кто заведующую детсадом и жильцов дома, знакомы ли они с Узаном, и узнал, что никто этого не делал. Значит, в общем-то, расследование еще не началось. Нужно поискать и в

других местах, с которыми связан Узан, попытаться выявить обстоятельства изготовления муляжа взрывного устройства, расспросить его лежащую в больнице мать. Но все это невозможно сделать сегодня же вечером и в одиночку. И нельзя заикливаться на одном подозреваемом. Нужно взять в расчет разные варианты, не только из-за сомнения, вызванного этой самой хромотой. Авраам вспомнил Илану Лим и ее постоянное предостережение: не застревать на заранее сделанном выводе, потому что, слишком прилипнув к каким-то деталям, можно пропустить другие важные подробности. Может, тот тип, что подложил к детсаду чемодан, сейчас вовсе и не в камере предварительного заключения, а где-то в другом месте. И готовит следующий террористический акт, как и предупреждал Сабан...

И вдруг Авраам понял: он не пожалеет, что взялся за это дело. Инспектор пошел поискать бумагу в ящиках стола и на полках. На полу лежала пачка бумаги для принтера; Авраам по пути надорвал упаковку и вытащил из пачки листок чистой бумаги, на котором затем написал несколько строчек:

Детский садик

Точное расстояние от садика. В котором часу он открывается?

Заведующая садиком – знакома ли с Амосом Узаном?

Список родителей. Предыдущие правонарушения.

Угрозы – возможно, в адрес родителей кого-то из детей?

Место преступления

Без четверти семь утра (точное ли это время?) Проходил ли еще кто-то по улице?

Еще соседи, которые могли это видеть?

Светофоры, видеокамеры?

Чемодан – что-то специфическое, за что можно уцепиться?

Вышел ли он из машины?

Если машина была, ждал ли в ней кто-то, чтобы его подхватить?

Разборки с соседями.

Список жильцов

Правонарушители района.

Если речь о предупреждении – то о чем? И кому? В чем суть?

Каково следующее преступление?

Есть ли на улице продуктовая лавка?

* * *

В полпятого Авраам вернул Узана в следственную камеру. Но результат оказался нулевым. Спрашивать его было не о чем. Узан погладил усики, улыбнулся своими глазками и сказал:

– Ну вот, я поел, попил, мы по душам поболтали... Не пора ли сказать человеку, что взят он зазря, и отпустить его с миром?

– Что ж вам так приспичило уходить? – спросил Авраам. – Может, уж заодно и поужинаете?

Но в полшестого, уже припоздав, он вышел во двор – поднять рюмочку за назначение Сабана и в честь наступления Рош ха-Шана, – а когда вернулся, подписал бумагу об освобождении Узана.

– Обещаю, что еще свидимся, – сказал он Амосу, прощаясь с ним, и тот ответил:

– Зря время потратите. Но с удовольствием.

* * *

Вечером, дома, после короткого холодного душа Авраам сварил себе черный кофе и уселся в одних трусах на балконе. Папка с делом открыта, и он снова прочел отчет, в котором патрульная описала все произошедшее утром. Потом вспомнил про речь Сабана, лежащую в кармане рубахи, которую снял и повесил в ванной. Большинство коллег сказали, что речь дурацкая, но, по мнению Авраама, было в ней и что-то, пробуждающее надежду.

Ему не терпелось описать Марьянке сегодняшний день, но именно теперь ее телефон оказался отключенным. Инспектор не помнил, была ли сейчас ее смена – одна из последних в брюссельской полиции перед тем, как уволиться и переехать к нему.

В первой речи Бени Сабана, обращенной к новым подчиненным, проступало какое-то странное расхождение между решительностью и целеустремленностью произносимых слов и его нервозностью и неуверенностью в себе. Стоя во дворе за импровизированной трибуной, новый шеф читал по бумажке. И, несмотря на жару, не потел.

Начал он с лета:

– Лето у нас выдалось длинное, трудное, полное кризисных ситуаций. В июне вспыхнули беспорядки в южных районах Тель-Авива. Нелегалы без работы и крова, жалобы городских жителей на изнасилования, кражи со взломом, вторжения в дома, нападения из мести. Бутылки с «коктейлем Молотова», поджоги жилищ и центров для беженцев. Атмосфера на рабочих заседаниях такая, будто огонь вот-вот перекинется и на нас. Но мы знали, как его сдержать, не дать ему распространиться.

Авраам был так далек от всего этого! Он находился в отпуске, который как будто и не кончался. Иногда инспектор залезал в Интернет да время от времени

звонил из Брюсселя Элиягу Маалюлю или Илане.

Это было счастливое лето.

– Затем пошли демонстрации протеста, – продолжал Бени. – Каждую субботу вечером сотни полицейских собирались на площади возле «Синематеки» и, получив инструкции, растекались по улицам Тель-Авива, чтобы наводить порядок и подавлять вспышки насилия во время этих разрешенных и запрещенных демонстраций. В ходе одной из них были сломаны заграждения и перебиты окна в филиалах банков в центре города. Во время другой демонстрации один из протестующих поджег себя и сгорел. Каждый полицейский, способный работать дополнительно, работал.

Позже Сабан остановился на уровне преступности в их округе.

– Цифры показывают, что год у вас был отличный, – сказал он. – Вы справились со стоящими перед вами задачами, даже и с лихвой. Вы на пять процентов уменьшили количество домашних краж и имущественных преступлений. Вы более чем на десять процентов снизили число краж и угона машин. Благодаря вашей преданности делу на семь процентов уменьшилось число насильственных преступлений в нашем округе и на восемь процентов – количество ДТП.

Кто-то из присутствующих захлопал, и Бени добавил:

– Да, вы и вправду заслуживаете аплодисментов.

Некоторые присоединились к хлопкам.

Аплодисменты стихли, когда Сабан, понизив голос, произнес:

– Но существуют аспекты, в которых наш округ не преуспел. В этом году обозначился рост преступности среди молодежи. Участились случаи мошенничества и преступлений против морали. Когда я анализирую статистику вашего округа... прошу прощения, я все еще привыкаю... нашего округа... я вижу те точки на карте, где законопослушные граждане могут спать спокойнее в собственных домах. Но есть вероятность, что при выходе из этого дома они столкнутся с проституцией или наркобизнесом. – Бени обвел глазами лица

офицеров полиции, которые, несмотря на иссушающий зной, стояли и тихо его слушали, и заговорил погромче: – Моя мечта – и я знаю, что для некоторых это прозвучит как фантазия, – моя мечта в том, чтобы законопослушные граждане нашего округа не сталкивались с насилием. Я хочу, чтобы законопослушный житель Бат-Яма, Холона или Ришон ле-Циона вышел утром из дома, сел в машину, отвез детишек в садик или школу, остановился по дороге выпить чашечку кофе или заполнить бак бензином и продолжил езду к месту работы, – и чтобы на этом обычном своем пути он не столкнулся ни с насилием, ни с подставой. Моя цель в том, чтобы в округе Аялон было как можно больше островков, свободных от преступлений. Островков спокойствия и личной безопасности. Тот, кто избрал для себя жизнь уголовника в уголовном районе, пусть там и живет, хотя мы и до него доберемся, когда потребуется. Но наши клиенты – это, на мой взгляд, честные, соблюдающие закон люди, мужчины и женщины без криминальных наклонностей, желающие жить своей жизнью, без страха столкнуться с насилием или с его угрозой. Наш долг – служить этим людям.

В конце речи были аплодисменты, но и немало иронических ухмылок. Сабан спустился с трибуны, и столкнувшись с Авраамом у стола с закусками, положил руку ему на плечо и прошептал:

– Молодец, что пришли. Ну как я выглядел?

Потом Авраам наконец увидел Элиягу Маалюля, и тот сказал:

– А ты, Ави, никак похудел. Совсем другой человек!

Инспектор старался не заснуть, пока не поговорит с Марьянкой, но глаза у него прямо слипались. Он звонил ей несколько раз, но телефон был отключен, и он сдался.

Сон смешал обрывки фраз Сабана и вставил их в уста Амоса Узана, сидящего в следственной камере. Узан глянул на инспектора своими черными глазками и сказал по-английски:

– Моя цель – создать в Лас-Вегасе как можно больше свободных от насилия зон.

В три часа ночи Авраам проснулся в кресле на балконе, испуганный и липкий от пота. Он скинул майку и пошел в ванную смыть с себя грязь. Ему вдруг почудилось, что стоит выглянуть наружу, как там захромает в темноте человек с чемоданом. Но на улице не было ни души.

2

Только вечером, уложив детей спать, Хаим Сара осознал, что утреннее происшествие напугало их больше, чем он думал. Эзер лежал наверху на спине, неподвижно, с открытыми глазами и в ожидании сна глядел в потолок. В последние вечера Хаим заметил, что старший сын засыпает таким вот макаром, и эта его поза вызвала в нем тревогу. А малыш был беспокойней, чем в предыдущие вечера, все крутился на своей нижней койке. Терял то подушку, то одеяло, и его короткие ножки тыкались в деревянную раму. Хаим решил, что ему жарко.

Уже несколько дней он укладывал их спать, и про Джени они пока не спрашивали. Довольствовались теми несколькими словами, которые он сказал им в первый день. И не плакали. Мужчина сидел возле них на низком пластмассовом стуле и молча ждал, пока они заснут. Мрак в комнате был неполным – из-за жары и влажности жалюзи пришлось раздвинуть. То включающийся, то гаснущий свет в соседнем доме отражался на стенах и на полу. Кондиционера в комнате не было.

И вдруг малыш повернулся на бок, спиной к Хаиму, и спросил:

– А почему нас не мама укладывала?

Сара не ощутил в этом вопросе тоски по матери и все еще не связал его с тем, что случилось.

– Еще пару дней – и будет укладывать она, – сказал он.

Малыш перестал крутиться и вскоре заснул. Хаим был уверен, что и Эзер спит, но стоило ему встать, как тот открыл глаза.

– А ты чего не спишь? – спросил мужчина, но сын промолчал. Он и после обеда не проронил ни слова. Все торчал у телевизора, а глаза у него были настороженными и недоверчивыми.

Хаим сел на синий стул и продолжил ждать. И вдруг услышал бормотанье Эзера. Услышал, как тот говорит:

– А я знаю, кто потерял чемодан возле садика Шалома.

– Какой такой чемодан? – спросил Сара, не уверенный, что правильно разобрал его слова, и Эзер ответил:

– Ну чемодан, который кто-то потерял. Из-за него еще садик Шалома закрыт.

Это были те слова, что Хаим сказал им утром.

Ведь нужно было что-то им сказать, когда они доехали до улицы Лавон, а та оказалась перекрыта полицией. На углу Лавон и Аронович уже собрался народ, и Сара увидел там нескольких родителей из их детсада. Среди них был молодой очкарик-отец, держащий на руках сына. Патрульная машина перекрыла дорогу, и копы не пускали прохожих ни туда ни сюда. Но в чем дело, Хаим понял не сразу. Он застыл и не знал, куда двинуться. Так испугался при виде полицейских, что и про детей забыл. Первое, что пришло ему в голову, – это вернуться домой. На секунду ему показалось, что он не вынул ключи из двери, но, похлопав по бокам, мужчина увидел, что они в кармане. Он крепко схватил ребят за руки и гаркнул:

– Поехали назад!

Но стоящая рядом девица сказала:

– Да не нужно возвращаться. Вот-вот начнут пропускать.

И ему ничего не оставалось, как ждать.

Через дорогу он заметил воспиталку, разговаривающую с двумя ментами.

И вдруг началась заваруха.

Сара увидел двух бегущих ментов. Они налетели на молодого парня, и один из них уложил его на землю, уперся коленом ему в спину и скрутил ему руки сзади. Кто-то из толпы крикнул:

- Может, это он и есть!

Но Хаима это не успокоило. Он еще крепче схватил детей за руки и сказал им:

- Сперва отведем Эзера в школу.

Чтобы не столкнуться с воспитаткой, они перешли на другую сторону улицы Аронович и пошли по ней, а потом свернули направо, на улицу Ха'Алия Ха'Шния и оттуда – на Арлозоров. Хаим шел быстро, и дети, запинаясь, старались не отставать от него. Про то, что эта гонка может их напугать, он не думал. А Шалом все спрашивал:

- А у меня сегодня садика нет?

Только перед воротами школы Хаим объяснил им, что кто-то потерял возле садика чемодан – вот полицейские и ищут этого человека, чтобы вернуть ему его багаж. Скоро отыщут, и садик откроется. Страх как-то развеялся, и мужчина целый день не думал об этом, а после обеда они и вовсе про это не говорили. Но, видимо, дети испугались сильнее, чем ему показалось. И наверное, Шалом нервничал больше, чем обычно.

Хаим встал со стула, и его лицо оказалось на уровне кровати Эзера.

- И кто же этот чемодан потерял? – спросил он сына.

- Мне нельзя говорить. – Даже разговаривая, Эзер все так же недвижно лежал на спине и глядел в потолок.

- Откуда ты знаешь, кто его потерял? – спросил Сара, и мальчик, поколебавшись, прошептал:

– Мой первый папа мне рассказал.

Мужчину передернуло. В последние недели Эзер частенько говорил про первого папу, и всякий раз, как он его упоминал, Хаима пробирала дрожь.

– Что он тебе рассказал?

– Что это страшный секрет.

Хаим заколебался, продолжать ли разговор или не стоит. Шалом заворочался в кровати, и отец боялся его разбудить.

– Откуда же он знает? – шепнул мужчина.

Но Эзер промолчал. И глаза его были закрыты.

* * *

Пока Сара мыл посуду, сложенную после ужина в раковину, и подготавливал кухню к работе, мысль об этом разговоре в детской не оставляла его. Его мучило, что Эзеру нужен первый папа, потому что Хаима ему не хватает, – то, что несколько раз повторяла Джени. Потому что он, Хаим, все больше молчит. А может, потому что он чересчур стар... Нет в нем этаким силы. Он знал, что разговаривает с детьми мало. В особенности с Эзером. И что это одна из вещей, которую следует изменить. Не выказывать страха или слабости. Дать детям ощущение, что он их защитник. Это то, что он на прошлой неделе попытался изобразить в садике Шалома. Довольно безуспешно...

Окно на кухне было открыто, и через него проникали голоса с улицы. По шоссе гоняли машины, потом раздалась сирена машины «Скорой помощи». Страх внезапно напал на Хаима и так же внезапно схлынул.

«Еще долго так будет», – подумал он.

Эта история с чемоданом возле садика – дикая неудача. Но если подозреваемый пойман, то, может, и делу конец?

И он знает, что они и без Джени прекрасно справятся. Пусть есть зававыки, решение которым еще не найдено. В основном это вечера и ночи. Сара собрал в ванной грязные одежды и тряпкой вытер мокрый пол. Носки не воняли, и он сложил их, а затем положил на маленькие ботиночки возле двери, а штанишки и рубашки сунул в стиралку.

До десяти по радио передавали песни, а потом были новости и беседы со слушателями.

В это время Джени обычно спала или смотрела в гостиной фильмы по телевизору, не замечая его присутствия. Сейчас Хаим был один и все-таки не усилил громкость – чтобы не разбудить детей. Он нарезал на тонкие кубики лук и красные перцы, ссыпал их в миску, добавил туда консервированного тунца из десяти баночек и смешал все с несколькими ложками майонеза и капелькой горчицы, после чего выжал в миску целый лимон и посыпал все перцем и солью. По радио женщина из Бэер-Шевы рассказывала, как она победила рак. Как после того, как врачи опустили руки, она обратилась к раву[2 - То есть к раввину.], тот дал благословение, и все сработало. Ведущий сказал:

– Значит, вы в помощи не нуждаетесь. Непонятно, зачем звоните!

– Я позвонила, чтобы помочь другим людям и поздравить израильский народ с праздником, – ответила женщина.

Ведущий не разрешил ей называть в прямом эфире телефон рава и перешел к следующему слушателю, потерявшему сына в ДТП. Хаим нарезал помидоры тонкими дольками, а огурцы – кружками, и сложил это в две тарелки. Тем временем в кастрюле, стоявшей на плите, закипела вода, яйца сварились вкрутую, и он крошил пять яиц в миску с тунцом, а потом в другой миске приготовил яичный салат. Следующим на радио позвонил человек, отказавшийся назвать свое имя и место проживания. Когда он заболел диабетом, жена его бросила, изменила ему с коллегой по работе. Хаим не мог слушать его ужасный рассказ – он выключил радио и несколько минут постоял в тишине.

Этот первый папа не давал ему покоя.

Что именно имел в виду Эзер, сказав, что тот с ним говорил?

Если б Сара не избегал разговоров, то позвонил бы на радио и попросил совета, но это было невозможно. Он знал, что дети не могут расти в таком молчании, но все же он сумел немало им дать, пусть и не был мастером на разговоры. Шалом был привязан к нему с самого рождения, да и Эзер до последних нескольких месяцев любил бывать с ним и просился быть рядом. Только в последнее время он отдалился и замкнулся, и все из-за нее.

Хаиму вспомнился его отец, то, как мальчиком он следил за быстрыми движениями отцовских пальцев. Отец, как и Хаим, был молчуном. Он был портным, но зарабатывать шитьем ему удавалось не всегда, и поэтому он торговал тканями или работал на швейных фабриках. Сара помнил отца, помнил, как тот без конца курил. Не выпускал сигарету изо рта. И его проворные пальцы, когда он шил. Что еще ему запомнилось? Что по пятницам вечером тот ходил в синагогу, да и в субботу утром, и в праздники. Что был он худым и высоким, очень видным, когда принарядится. В праздники он носил костюмы. К тому времени, как дети пробуждались, уже был на ногах, одет и побрит. Что он медленно жевал. Заканчивал ужин после жены и детей. Приятными вечерами сживал во дворике их дома в Нес-Ционе, курил и слушал радио. Он умер, когда Хаим был в школе, в месяц нисан[3 - Нисан – в еврейском календаре первый месяц библейского и седьмой гражданского года. Приблизительно соответствует марту-апрелю григорианского календаря.]. Почему-то никого не послали сообщить мальчику об этом, забрать его из класса. Ему все рассказали, только когда он вернулся домой. Было ему тогда восемь лет. И вот спустя несколько дней остальные родственники впервые заметили, что он ходит во сне по дворику и разговаривает сам с собой. А когда родился Эзер, было ясно, что его назовут в честь отца.

* * *

В одиннадцать часов Хаим закончил работу на кухне и позвонил матери по телефону, стоявшему в спальне. Он спросил у нее, как самочувствие, и она сказала, что ноги отекают.

– Много сегодня стояла? – уточнил Хаим.

– Да нет, сидела, – ответила мать.

Он попросил ее побольше отдыхать. Не стоять, если это необязательно. В ответ она поинтересовалась, как его нога.

- Гораздо лучше, - сказал он и спросил: - Тебя кто-нибудь навещал?

- Адина.

- Чего хотела?

- Проведать, как я.

С минуту они помолчали, но в этом их молчании не было неловкости. Разговор с матерью Хаима не требовал усилий. Обычно говорила она, а он слушал и порой отвечал. Мать ждала его звонка в кровати, и только поговорив, выключала телевизор, гасила в комнате свет и пыталась уснуть. Да у нее и ночи были бессонные, иногда до утра не сомкнет глаз...

- Как дети? - спросила она.

- Уснули.

- Ты уже сказал им, что она уехала?

- Да не так чтобы... Еще немного подожду.

- А чего ждать? Уж скажи, пусть привыкают.

Хаим промолчал.

- А как дома? Может, попросить Адину, чтобы пришла помочь?

Он сказал, что не надо. После очередной паузы мать спросила:

- А с воспитательницей Шаломы ты еще раз поговорил?

Были дела, про которые Хаим молчал, чтоб не волновать ее. Но о стычке с воспиталкой он рассказал, и мать его поддержала, поняла, из-за чего он взорвался. А вот про муляж возле садика он не сказал ни слова. Знал: скажешь о таком – и она не заснет.

– Не успел, – ответил теперь Сара. – В садик почти опоздали.

– А ты спросил его, как сегодня было?

– Получше, – солгал Хаим.

– Вот видишь! Из-за того, что устроил скандал. Без скандалов не обойтись.

Про стычку в садике говорить не хотелось, и он сменил тему:

– Как дома, в порядке?

– Жарко. Не зайдешь закончить дворик до праздников?

На секунду в Хаиме поднялась злость на этот вопрос. Но он сдержался и бросил:

– В праздники зайду. Не нервничай.

– Спокойной ночи, – сказала его мать и повесила трубку.

* * *

Возле кровати валялось несколько книжек, которые он собирался прочесть, чтобы потом без сбоя почитать детям. Этак бегло, естественно. В начале года воспиталка спросила, читают ли они Шалому, и написала для Джени список книг, а продавщица в книжном магазине посоветовала купить, кроме этих книжек, еще две. Хаим усмотрел в вопросе воспиталки оскорбление, пренебрежение к их сыну и косвенно к нему самому. И этот вопрос, наверное, тоже сыграл роль в том, что он на нее наехал. Он не считал, что обязан читать Шалому книжки. Ему отец ничего не читал, и сам он никогда не читал Эзеру.

Одна из купленных книжек особенно привлекла внимание Хаима. Про мальчика, который ночью ходил по стенам. Судя по рассказу, мальчик после того, как его уложат спать, вставал с кровати, проходил по стенам комнаты и влезал в развешенные на них картины. Картины пробуждались к жизни, и главный герой сказки разговаривал с нарисованными на них персонажами. На картинке, украшавшей обложку, у идущего по стене мальчика была прямая спина и вытянуты вперед руки, как будто он шел во сне. Он был рыжеволосым, со светлокожим лицом. Не похож ни на одного из сыновей Хаима, и на него самого тоже не похож.

В прошлые ночи, без Джени, Хаим был почти уверен, что не проснется.

Он лег поздно и встал в четыре утра, чтобы не проспять. И, как и в отрочестве, в его комнате от одного дверного косяка до другого тянулась на высоте колена швейная нитка – чтобы проверить утром, выходил он ночью из комнаты или нет. Запереть дверь было нельзя из-за детей. С тех пор как Хаим познакомился с Джени, ночи у него были поспокойнее. Она спала чутко, и когда он вставал, просыпалась. Иногда это случалось с ним каждую ночь. Особенно когда он был поспокойнее. Когда день приносил доход. Джени ловила его и уводила к дивану в гостиной. Включала телевизор – это помогало ему проснуться. Однажды она сказала, что как раз во сне он говорит очень много.

– И что же я говорю? – поинтересовался Хаим.

– Я не все понимаю, – сказала она. – Но болтаешь ты без умолку.

Кое-какие ее одежды все еще лежали на полках шкафа в спальне. Но большинства из них уже не было, как и двух больших чемоданов.

После полуночи, в последний раз заглянув в детскую, Хаим переоделся, выключил свет и задвинул жалюзи, оставив в окне щелку, потому что на улице вдруг поднялся ветер. Глубокая ссадина на лбу у Шалома затянулась коркой. Эзер уже не лежал на спине в той застывшей позе, в которой заснул. Он лежал на животе, утопив щеку в подушку, и снова показался Хаиму дитяткой. Оба сына были больше похожи на Джени, чем на него, но что-то в их лицах – что именно, Сара не мог сказать – было и от него.

С тех пор как они родились, Хаим все спрашивал себя, что о нем запомнят дети. Запомнят ли они его так, как он помнит своего отца? Сара надеялся, что с ним ничего не случится до того, как Эзер достигнет возраста, когда отец вписывается в память, потому что у него самого отец умер, когда он был ребенком, а может, потому что когда Эзер родился, ему уже было за пятьдесят. Хаиму хотелось, чтобы мальчик запомнил его человеком сильным, но не наводящим страх. И еще несколько месяцев назад он верил, что именно таким в его памяти и запечатлется.

«Нет у тебя никакого первого папы. Я твой единственный папа на всем белом свете», – хотелось ему шепнуть Эзеру на ухо.

* * *

В ту ночь он не вставал – во всяком случае, из комнаты не выходил. Будильник прозвонил в четыре утра, и Хаим поспешно поднялся с постели. И в еле брезжащем с улицы свете проверил, на месте ли нитка, после чего включил на кухне лампу. В гостиной он свет не зажигал, чтобы не будить детей. Шалом лежал на краешке кровати, свернувшись, как улитка, а Эзер спал в той же позе, что и ночью, натянув одеяло до подбородка, как будто замерз.

Хаим оделся в темной спальне и побрился. Перед тем как взяться за работу, закрыл дверь в кухню, а затем поджарил на трех сковородах три обычные яичницы и три яичницы с петрушкой и укропом и выложил их у окна, чтобы остыли. Аромат кофе, который он сварил для себя, смешался с запахом жарки и ароматами утра. Потом Хаим разложил на столе ломтики сыра, а рядом с ними – подготовленные с вечера миски. В четверть шестого он осторожно открыл дверь квартиры, вышел и запер ее за собой. С минуту постоял снаружи, вслушиваясь, не проснулся ли кто из детей, и спустился к машине. Для этой проблемы тоже не было решения, и выхода Хаим пока не нашел. Он проверил, нельзя ли воспользоваться рассылным, который будет поставлять булочки, но разница в цене оказалась огромной. Да и всей поездки в это время дня – десять минут. Хотя Хаиму и не нравилось запирает детей в квартире, это лучше, чем не запирает дверь вообще.

Так он и сделал в это первое утро без Джени.

Хаим доехал по Вайцману до Соколова, повернул налево и остановился на площади Струма. Несмотря на то что уже рассвело, улицы были пустынные, и, на его счастье, большинство светофоров мигали желтым. Все лавки на площади были еще закрыты, кроме «Пекарни Братьев». Хаим вошел туда с заднего хода, и его ноздри тотчас же наполнились запахом теста. Один из братьев-хозяев, заметив его, крикнул:

– Заказ Сары!

– Порядок, – ответил из внутреннего помещения рабочий.

Через минуту Хаим уже был в машине.

Все еще спало, и только его день уже начался. Эти моменты своей работы он любил даже больше, чем молчаливые вечерние часы. Дремлющие тротуары, на которых одни только голуби, кошки да уборщики улиц, и от них не услышишь ни слова. Хаим поехал по улицам Шенкар, Пихман и Баркат, после чего свернул на улицу Лавон и проехал мимо детсада.

Через два часа он приведет сюда Шалома, попытавшись избежать встречи с воспиталкой.

С той стычки, которая случилась на прошлой неделе, они и словом не обмолвились. Хаим входил в садик, стараясь не смотреть на воспитательницу, быстро проходил к шкафчику Шалома и клал в него сменные одежды, а затем торопливо прощался с малышом. Он и без того предпочитал не заходить в садик, не сталкиваться с молодыми родителями, в большинстве принимавшими его за дедушку.

Пощечина от того разговора все еще жгла его, как плевок. Да и все, что случилось дальше.

На этот разговор его толкнула Джени, хоть и знала, что он этого не хочет. Хаим смешался и с трудом пробормотал воспиталке, что мальчик боится ходить в садик и жалуется на то, что дети его бьют. Что жена находит у него под одеждой темные пятна и другие непонятные отметины. Что он вернулся домой с ссадиной на лбу. Разговор происходил утром, и в садике было полно родителей. Воспиталка встала в позу. Отказалась слушать. Уставилась на него с

презрением, и он не сомневался, что это из-за его возраста и из-за того, как выглядят его дети, – к светлокожим небось отнеслась бы иначе! Она трещала более бойко, так что он совсем растерялся и ничего не ответил. Даже когда сказала, что его сын врет.

– В нашем саду дети не дерутся, – сказала воспитательница. По ее словам, царапину Шалом якобы заработал, потому что бесился и упал на деревянную тачку. – Если ваш сын жалуется, что дети его бьют, значит, он врет. – Заявила, как припечатала, давая понять, что разговор окончен.

Хаим увидел испуг в глазах стоящего рядом Шалома и попытался снова заговорить, но женщина взвилась – мол, некогда ей вести эти разговоры утром, на глазах у детей. Конечно же, она не хотела, чтобы это слышали другие родители, и увидев, что Хаим не унимается, закричала:

– Господин Сара, я вам ясно сказала, что этот разговор продолжать не готова! В нашем саду дети не дерутся, а если ваш сын жалуется на побои, может, вам стоит проверить самого себя и свою супругу и подумать, в чем дело?

Хаим не сдержался. Его прорвало, и он заорал, что заберет ребенка из этого сада. А она улыбнулась и сказала:

– Да бога ради! Думаете, что напугали?

Сара не сомневался в том, что Джени права и что их мальчишка воспитательнице ни к чему. Но другого детсада в районе не было, к тому же это был единственный детсад, который он мог себе позволить. Никто из родителей не вмешался – как ему показалось, из-за того, что и они предпочли бы, чтобы его сын испарился. Снаружи его охватили стыд и отвращение – в основном к самому себе, к тому, что, несмотря на эту стычку, он оставил там Шалома. Неужели сынок запомнит про него именно это? Малыш плакал, а Хаим пренебрег его слезами и ушел, передав его русской помощнице воспитателей. Она наклонилась к нему и утерла ему лицо своими ладонями. Вечером Сара сказал жене, что разговор получился удачный. И возможно, это был их последний разговор.

* * *

Когда в полшестого Хаим открыл дверь, оказалось, что дети его отсутствия не почувствовали и не проснулись. Он включил радио и нашел канал, где не было музыки. Из-за езды по улице Лавон, воспоминаний о стычке в детсаду и страхе, пробудившемся, когда он накануне увидел полицейскую машину, утро показалось ему сумрачнее обычного. Мужчина убавил звук и попробовал успокоиться, пока раскладывал булочки и наполнял часть из них салатом с тунцом, а часть – яичным салатом. Остальные булочки он намазал майонезом и засунул в них яичницы. Перед тем как завернуть булочки в пергаментную бумагу, украсил каждую ломтиками помидоров и огурцов и положил в пакет.

Шалом проснулся в полседьмого и пришел в кухню. Хаим посадил его на стул, и мальчик смотрел, как он убирает последние булочки, укладывает их плотными рядами в две картонные коробки.

Прошло несколько минут, пока малыш окончательно не очухался от сна и не спросил:

– Я в садик не иду?

– Идешь, – ответил Хаим. – И Эзер идет в школу, а я – на работу.

Мальчонка не заплакал. И больше не спрашивал про Джени. Сон пошел ребенку на пользу, он казался успокоенным.

– А почему сегодня садик не закрыт? – поинтересовался он.

Хаим не знал, что ответить. Он одел Шалом в своей спальне, а потом они вместе пошли в детскую, и мужчина открыл окно и раздвинул жалюзи. Свет залил Эзерову кровать. Его одежды лежали на полу, и Шалом, показав на них, сказал брату:

– Я могу помочь тебе одеться.

Эзер просыпался молча и медленно, и Хаим приказал ему поторопиться. На часах было семь. Шалом неотвязно следовал за братом, даже в ванную, когда тот чистил зубы.

Когда они сели завтракать, коробки с булочками уже стояли друг на друге в гостиной, а на кухне было чисто. Старший сын глядел на отца все так же настороженно – может, заметил, что тот малость осунулся? Они ели булочки с сыром и огурцом. И вдруг Эзер сказал:

– Знаешь, я один раз проснулся и зашел к тебе в комнату...

Хаим оцепенел. Утром нитка была на месте, натянута между косяками двери.

– Я, наверное, уже работал. В кухне проверил? Небось уже утро было? – спросил он.

– Нет. Тебя не было дома, – ответил Эзер.

Шалом уставился на отца вопрошающим взглядом.

– Я все время был дома, – сказал тот и тут же вспомнил про поездку в пекарню. – Это ты про утро? Когда на улице уже светло?

– Нет. Темно. Это было один раз.

Хаим продолжал жевать. Может, он все же просыпался ночью, сам того не зная? Но нитка-то не порвалась! И куда он пошел? Хотя продолжать думать об этом ему не хотелось. Все же он спросил Эзера:

– Ты перепугался, когда меня не нашел?

– Нет, – покачал головой его старший сын. – Первый папа ждал меня в гостиной.

Хаим не мог такого слышать. Встав со стула, он поставил тарелку в раковину, выключил радио и спросил Шалома, доел ли тот свой бутерброд, но Эзер все не унимался:

– Помнишь, что я сказал тебе вчера вечером?

– И что же?

– Что сегодня я расскажу тебе, кто потерял чемодан около садика Шалома.

Хаим повернул кран и занялся мытьем двух их тарелок. Про чемодан он со вчерашнего дня старался не думать.

– Я еще не могу сказать. Я поговорил с ним, и он попросил не рассказывать, – продолжал Эзер.

Мужчина включил струю посильней.

– А твой первый папа знает, кто потерял эту сумку? – спросил брата Шалом.

Эзер улыбнулся и с гордостью ответил братишке:

– Я тоже знаю. Потому что он мне сказал. И он велел не рассказывать тебе, потому что это страшный секрет.

Хаим без слов убрал со стола тарелку Эзера, хотя мальчишка еще не закончил есть и удивленно посмотрел на отца.

– Завтрак окончен, – сказал отец, – выходим. И с Шаломом, пожалуйста, не говори ни про первого папу, ни про чемодан. Довольно. Кончай.

С походом в садик он решил повременить и, как вчера, сперва отвезти Эзера в школу. Они с Шаломом попрощались с ним у входа и подождали рядом со сторожем, пока его большой ранец не исчез в дверях здания. Шалом махал братишке рукой, даже когда уже повернулся, чтобы уйти. Вскоре они с Хаимом вернулись на улицу Лавон, свободную для движения, где не было и намек на вчерашнюю заваруху.

3

Авраам официально приступил к работе и из-за нехватки кадров работал один.

Рано утром в понедельник он поехал на улицу Лавон, чтобы оказаться там в тот час, когда подкладывали муляж. В шесть часов сорок четыре минуты движение

на улице было редким, да и прохожих встречалось мало. Тихая улица в тихом спальном районе. Солнце взошло с опозданием, утро было пасмурным. Молодая женщина гуляла с собачкой и курила. Какой-то подросток рано побежал в школу. Ни на ком не было ни темного тренировочного костюма, ни капюшона – ничего такого.

Рабочая гипотеза Авраама заключалась в том, что чемодан имеет к садику какое-то отношение и что расследование нужно производить быстро, потому что муляж взрывчатки был чем-то вроде предостережения перед более серьезным ударом. И единственным подозреваемым оставался Узан.

* * *

Первым сюрпризом была винная лавка. Примерно в половине восьмого прибыл полицейский из саперной группы – судя по снимкам, точно на то место, куда был подкинут чемодан. Чемодан этот нашли на тропинке, ведущей к боковому входу в дом номер шесть по улице Лавон: его спрятали в кустах. Тропинка вела к заднему двору, к детскому саду, но справа, на расстоянии примерно трех метров, в нижнем этаже дома номер четыре по улице Лавон располагалась винная лавка. И хотя боковую тропинку и эту лавку разделяла низкая каменная ограда, чемодан лежал ближе к лавке, чем к садику. Авраам поразился, что Сабан ничего ему про это не сказал. Инспектор спросил сапера, рассматривалась ли возможность того, что устройство подложили сюда как раз из-за лавки, и тот пожал плечами.

– Мы с чемоданом не беседовали. Нам сказали, что на Лавон, шесть, возле детсада, имеется подозрительный предмет, мы и обезвредили подозрительный предмет на Лавон, шесть, возле детсада. А дальше – работа ваша.

На снимках чемодана, сделанных перед тем, как его взорвать, было видно, что хотя его и спрятали в кустах, редкие ветки не смогли скрыть чемодан полностью. Если б соседка не заметила, как какой-то человек прячет его там, кто-нибудь из идущих по тропинке все равно его увидел бы.

На снимке чемодан выглядел старым. Старый, матерчатый, розовый с темно-зеленой ручкой.

Около восьми появились родители, катившие коляски по ведущей к детсаду тропинке, и Авраам зашел туда следом за ними. Впереди шел пожилой человек, и инспектору на минуту показалось, что тот прихрамывает на правую ногу, но, возможно, у него просто была тяжелая поступь из-за того, что он нес на руках ребенка. Воспитательница отказалась говорить с Авраамом и попросила прийти после обеда.

– Детям хватило вчерашнего испуга. Полицейские тут вовсе ни к чему, – сказала она.

Инспектор мог бы настоять, но уступил. Были в этой женщине упертость и агрессия, и она пробудила в нем какое-то беспокойство, смысл которого он понял только позже, в течение дня.

В ожидании, пока откроют винную лавку, Авраам опросил соседей, которых застал дома. Вопросы были все те же:

– Известно ли вам про какой-нибудь конфликт между одним из жильцов и воспитательницей детсада?

– Не было ли на вашей памяти какого-то необычного события, связанного с детсадом, расположенным в этом дворе?

– Случались ли здесь какие-то криминальные или другие разборки, о которых вы можете доложить?

– Не заметили ли вы человека, который вчера утром подбросил сюда чемодан?

– Не заметили ли вы пару дней назад подозрительного человека, слонящегося возле дома?

К этим вопросам, составленным накануне вечером дома, Авраам добавил вопрос о винной лавке, о событиях, происходивших или не происходивших в ней в последние дни. Жильцы на все отвечали отрицательно, и на каком-то этапе полицейский сменил порядок вопросов. В конце опроса он показывал собеседникам фотографию Узана. Никто его не опознал – кроме одной жилички, матери четверых детей, живущей на втором этаже. Она уверяла, что в прошлом

году не раз видела его возле дома и думала, что он отец одного из воспитанников детсада. Но как раз в последнее время женщина его на этой улице не встречала. Вчера уж точно нет – вчера она вообще проснулась после того, как чемодан взорвали. Инспектор записал ее имя в свою записную книжку.

В пол-одиннадцатого он вернулся в лавку «Вина города» и долго расспрашивал молодую продавщицу. Та сообщила, что хозяин появится лишь через два часа. Лавка открывается в десять, и когда обнаружили подозрительный предмет, там не было ни души. Они услышали об этом позже от одного из покупателей, и от хозяина тоже не будет никакой пользы, потому что раньше полудня его в лавке не увидишь. На витрине висели бумажные тарелки, на которых были тушью обозначены скидки на иврите и на русском. Авраам мог бы купить на Рош ха-Шана за 35 шекелей две бутылки чилийского красного и за 55 шекелей бутылку водки «Абсолют». Угрожали ли хозяину в прошлом, шантажировали ли его – этого продавщица не знала. Лично она в часы работы ничего такого не видела.

Инспектор пообедал в буфете с Элиягу Маалюлем. Тот все расспрашивал про помолвку с Марьянкой и про то, когда она приезжает.

– Она что же, увольняется там из полиции и приезжает к тебе сюда? – спросил Маалюль.

– Да. Что-то в этом роде. – Авраам кивнул.

Элиягу присвистнул:

– Непростое решение... И что же она тут будет делать? Начнет изучать иврит?

– Да еще не ясно. Приедет – будем думать.

Об Офере Шараби и о предыдущем расследовании они не говорили вообще. Авраам не знал, почему Маалюль не упоминает про отчет Иланы Лим – может, ему об этом вообще ничего не известно?

Опытный специалист по работе с подростками взглянул на него своими влажными, глубоко запавшими глазами, напоминающими ему отцовские глаза, и сказал:

– Ты не представляешь, до чего я за тебя рад, Ави. Ты выглядишь другим человеком, точно тебе говорю. И сразу, как она приземлится, приходите к нам на ужин.

Брифинги с координаторами разведслужбы ничего не дали, и у полицейского из оперативно-разыскного подразделения, приставленного хвостом к Амосу Узану, тоже не было никакой информации. Тот не покидал своей квартиры на улице Ха'Ционут, 26, до одиннадцати часов. По всей видимости, он пребывал в ней один. Потом Амос поехал на своей черной «Хонде Сивик» навестить мать в больнице «Вольфсон» и по пути нигде не останавливался. Он купил в больничной лавке газету и какой-то безалкогольный напиток и поднялся в онкологическое отделение. В руке у него была большая сумка, которую Узан захватил из дома, судя по всему, со сменой одежды и белья, и из больницы он все еще не выходил.

Авраам ждал в участке, у себя в кабинете, и колебался, стоит ли позвонить Илане. С самого его приезда они не виделись, а сейчас вот есть предлог для встречи. Можно было бы выяснить, что ей известно о шантаже и о рэкрете в алкогольном бизнесе. Но вместо этого инспектор позвонил Марьянке. Ее мобильник сработал, но она не ответила.

Он включил компьютер, и с экрана на него посмотрел рассветный Брюссель – тот, каким Авраам сфотографировал его в день их первой встречи, когда Марьянка взяла его на прогулку по улицам города. Тогда он и не представлял, что этот город на целых три месяца станет ему домом. Что в эти три летних месяца он каждое утро будет просыпаться возле Марьянки, в спальне ее квартирки, глядящей окнами на маленькую площадь, в центре которой – почерневшая статуя бельгийского композитора, имени которого он в жизни не слыхивал. Уезжая к ней, Авраам записал в своей маленькой записной книжке ее адрес: «Площадь Альфреда Бувье, дом 6, квартира 5 (зеленая дверь, звонка нет)».

* * *

После обеда он вернулся к месту происшествия.

– Вам что же, больше нечего расследовать? И не пойму, при чем тут я, – сказала воспиталка, когда он вошел в детсад. – Я же вчера сказала полицейским, что ко

мне это не имеет никакого отношения. И умоляла не являться среди бела дня, это пугает детей и родителей. Дети и без того всполошились, когда их утром привели, а войти нельзя.

Она была в садике одна. Перевернутые стульчики были поставлены на низкий стол в центре комнаты.

Ее агрессивность и нежелание вступать в разговор сразу разозлили полицейского, но только под конец беседы с ней он понял, почему ее присутствие наводит еще и уныние. Воспиталка попросила не мешать ей наводить порядок, пока он ее расспрашивает, и Авраам намекнул, что, если ей так легче, можно пригласить ее в участок. Пол в комнате был вымыт, но все равно помещение казалось каким-то тесным и мрачным. Они сели друг против друга на пластмассовые стулья, принесенные воспитательницей со двора. У одной из стен были сложены высокой стопкой тонкие матрасы, от которых несло мочой. Сквозь ржавые прутья решетки на высоком и узком окне пробивалось слишком мало света и воздуха. Вечером Авраам написал в своей записной книжке, что Хава Коэн заведует детсадом и работает в нем уже десять лет, а специальность дошкольного воспитателя имеет двадцать лет. Это была женщина где-то в районе сорока, полная и приземистая, с широкими крепкими руками и усталым лицом. Она не успела опорожнить стоящий в углу большой черный бак, полный грязных пеленок.

Инспектор спросил, нет ли у нее с кем-то конфликтов, и она взбеленилась:

– Это с кем же?! Я, черт возьми, заведую детским садом! И со вчерашнего дня должна талдычить, что мой детсад никаким боком с этим не связан?

– Может быть, не детсад... Может быть, вы лично... У вас имеется какой-нибудь конфликт, семейный или деловой?

– Объясните, ради бога, почему вы считаете, что это имеет отношение ко мне? Вы не понимаете, что это вредит моей работе? А может, это связано с кем-то из жильцов того дома?

Ее ответы напомнили Аврааму беседу с Узаном.

– Ваше нежелание принимать участие в беседе мне непонятно, – сказал он. – У нас возникло подозрение, что этот чемодан служил предупреждением и что, если мы вовремя не среагируем, тот, кто подбросил его, перейдет от угроз к прямому насилию. Мы не знаем, каким временем располагаем, и нам нужно содействие всех, кто может нам помочь.

– Но я же вам объяснила, что не связана с этим! – перебила его воспитательница. – И что никакой помощи оказать не могу.

И тут полицейский понял, в чем дело.

Он как будто вновь очутился в доме на улице Гистадрут, в квартире Ханы Шараби, во второй день расследования об исчезновении ее сына Офера[4 - Это дело описано в романе Д. Мишани «Метод инспектора Авраама»]. Он сидел напротив нее на кухне, и она подала ему черный кофе. Это было в пятницу утром, в день его рождения, и Авраам пытался заставить Хану рассказать о пропавшем сыне. Вот и она тоже сказала, что помочь ему не способна. Что она ничего не знает. В отличие от женщины, сидящей перед ним сейчас, Шараби говорила почти беззвучно. Когда она открывала рот, Авраам с трудом различал слова. То и дело она всхлипывала. И он не почувствовал, что она лжет. Что на самом деле она знает, где ее сын...

Только через три недели после этого, после того, как ее муж признался в убийстве сына, ее прорвало в следственной камере.

Воздух в детсаду был давящим и вызывал головокружение.

Авраам привел в порядок дыхание, положил свою записную книжку на пол и пристально взглянул на сидящую перед ним женщину. Если провал в предыдущем расследовании чему-то его и научил, то вот этому: раскрыть глаза и глядеть в оба. И не верить ни единому сказанному слову. Хава Коэн была несколькими годами старше Ханы Шараби, поплотнее и с вьющимися волосами. И он все еще не спросил, как ее зовут.

– Я требую отвечать мне на вопросы без всяких уклонений, – тихо сказал инспектор.

Воспитательница хлопнула себя по лбу ладонью.

- Попытаюсь. И в чем же вопрос?

- Вопрос: втянуты ли вы в какой-либо конфликт?

Она снова сказала, что нет. Авраам увидел, что она отводит глаза и собирает рукой волосы.

- Напомните, пожалуйста, ваше имя, – попросил полицейский.

- Хава.

- Хава. А фамилия?

- Хава Коэн.

- Известно ли вам, поступали ли от кого-нибудь из жильцов дома жалобы на вашу деятельность в этом детсаду?

- С какой стати жалобы? Этот садик работает здесь десять лет. И на него имеется лицензия.

- Вы снова уклоняетесь от ответа. И я теряю терпение. Я спросил не о том, есть ли у вас лицензия, а о том, не выразил ли кто-то из жильцов недовольство тем, что здесь работает детсад?

Женщина не вспылила, увидев, что ее собеседник посуровел.

- Я попыталась вам ответить. Насколько я знаю, нет. В общем-то, я уверена, что нет.

- Есть ли у вас или был ли в прошлом конфликт с родителями детей?

- Ни в коем случае. Никаких конфликтов ни с кем из родителей. У нас в садике конфликтов нет. Можете проверить все за десять лет и опросить всех родителей квартала. Родители приводят ко мне своих детей и умоляют, чтобы я приберегла место для тех, кто еще не родился.

Авраам вытащил из картонной папки фотографию чемодана, сделанную перед тем, как его взорвали, и спросил, знаком ли он Хаве, а потом показал ей фото Узана. И снова безрезультатно.

– Пожалуйста, посмотрите на эту фотографию повнимательней, – упорствовал он. – Уверены, что этот человек вам незнаком? Что поблизости от садика вы его не видели?

Коэн по-прежнему все отрицала.

– Вы в последнее время не получали никаких угроз? Телефонных звонков?

Инспектор глядел на Хаву и видел, что она лжет.

Напротив на стене был крупный рисунок букета, который с начала беседы привлек его внимание. В центре каждого цветка была фотография ребенка, вокруг которой были сделаны лепестки из цветной гофрированной бумаги. С того места, где сидел Авраам, лиц детей было не рассмотреть.

– То, о чем я вас спрашиваю, не выйдет за пределы этой комнаты. Я хочу знать, не связан ли, по вашему мнению, кто-то из родителей с криминальными разборками.

Хава Коэн удивленно поглядела на полицейского.

– Вы считаете, что злоумышленник пытался угрожать кому-то из родителей?

– Я просто спрашиваю.

Когда дело касалось не ее, воспитательница была поспокойней.

– У меня тут нет детей из трущоб, и, насколько я знаю, все здешние родители в полном порядке.

– А если я спрошу вас, чем каждый из них занимается, вы ответить сможете?

Коэн повернулась и взглянула на картинку, привлекающую внимание Авраама.

– Не уверена. Отцов я вижу нечасто, больше приходят матери. Часть из них работает, часть – нет. И это только начало года, я всех еще не знаю... Могу сказать, что отец Аркадия – электрик, потому что на прошлой неделе он помог нам с электричеством.

Спросив, кто еще работает в этом садике, Авраам встал со своего стула.

– Никто, – ответила Хава. – Только я и моя помощница.

Когда инспектор попросил номер телефона помощницы, он почувствовал, что воспиталка снова напряглась. Несмотря на нежелание видеть его в садике в начале беседы, Коэн попросила его прийти для разговора с помощницей завтра, потому что он вряд ли сумеет поймать ее по телефону.

– И что она может вам добавить, кроме того, что сказала я? Она здесь меньше двух недель. Я взяла ее за день до начала года, и ни о родителях, ни о доме она ничего не знает, – добавила Хава.

* * *

Поговорить с Иланой ему удалось только на завтра, после того, как он закончил срочные дела.

* * *

Узан снова покинул квартиру в одиннадцать и, нигде не останавливаясь, поехал на черной «Хонде» в больницу. Из машины он вышел с большой сумкой со сменной одеждой, а из больницы ушел в четыре, без сумки. Авраам колебался, вызвать ли его на дополнительный допрос, но кроме свидетельства соседки, узнавшей его на фотографии и решившей, что он отец какого-нибудь ребенка из детсада, никакой новой информации у него не было. Детей у Амоса не имелось.

Инспектор переслал два сообщения на мобильник помощницы воспитательницы и, как и сказала Хава Коэн, ответа не получил. Все же он решил вызвать эту

помощницу для дачи свидетельских показаний в участок, а не допрашивать ее в садике в присутствии воспитатки, и впоследствии убедился, что это решение было правильным.

Несмотря на то, что пока они будто бы никуда не продвинулись, у Авраама было ощущение, что все вот-вот разрешится.

Впервые после возвращения на службу он вышел покурить на ступеньках, ведущих в участок, как любил это делать. Жара была терпимой, иногда даже налетал ветерок, и инспектор думал о том, что перед Рош ха-Шана стоит закупиться. Из кабинета он позвонил Илане, и, услышав его голос, она обрадовалась.

- Ты уже две недели в стране и еще не удосужился заскочить поздороваться?

Авраам объяснил, что вернулся к работе и в одиночку занимается делом о муляже взрывчатки, подложенном на улице Лавон.

Лим не ответила, и ему показалось, что в этом ее молчании есть какая-то отстраненность.

- И как оно продвигается? - наконец спросила она.

- Да я, в общем-то, поэтому и звоню, - сказал инспектор и рассказал ей про винную лавку.

- Я думала, что эту взрывчатку подложили к детскому садику.

- Такова была первая версия, но когда я приехал на место, то обнаружил эту лавку и решил, что не стоит исключать и этот вариант.

Илана с этим согласилась и посоветовала Аврааму поговорить с хозяевами других заведений в округе, которых, возможно, тоже шантажируют, и он сказал, что уже сделал это. Никто из владельцев жалоб на шантаж не подавал, и, по данным полиции, никакая банда не тянула с них деньги за крышевание.

Инспектор слушал знакомый голос и ждал, что Лим упомянет свой отчет о деле Офера Шараби.

Илана рассказала, что в последние месяцы ведется негласное расследование на государственном уровне, связанное со ввозом в Израиль контрафактного алкоголя. Гигантская сеть, в которой, по-видимому, участвует не одна преступная группа. Если выяснится, что тут есть связь, арест того, кто подложил этот муляж, может навести следователей на главу всей банды.

- Может, тут и вправду зарыта собака, - сказала она. - Но, насколько я знаю, контрафактный алкоголь обычно развозят по клубам и киоскам, и участие в этом принимают их владельцы, потому что его цена в сотни раз меньше стоимости фирменных напитков. Трудно поверить, чтобы это распихивали по магазинам, да еще и насильно. Первым делом тебе стоит вызвать спеца из Министерства промышленности, чтобы он провел проверку той лавки. Начинай с этого.

Авраам ждал до последней минуты, но про отчет Илана так и не упомянула. Однако перед тем, как попрощаться, она сказала:

- Ави, я кое-что должна рассказать тебе с глазу на глаз - не хочу, чтобы ты случайно услышал это от кого-то другого... У тебя найдется минутка встретиться вне работы?

Марьянка тоже показалась инспектору какой-то далекой, когда Авраам Авраам наконец сумел вечером поговорить с ней.

Он сказал ей, что в последние дни пытался ее поймать, а она промолчала. Все же Авраам рассказал ей о первых днях работы и о речи Сабана. И удивился ее реакции.

- А почему она показалась тебе такой дурацкой? - спросил он.

- Да потому, что это речь не полицейского, а политика, - ответила Марьянка. - Сплошная пустота, разве ты не почувствовал? Настоящие полицейские знают, что мест без насилия в природе не существует. Где есть люди, есть и насилие. Все мы порченые.

В ее голосе звучало непонятное Аврааму раздражение.

Когда он спросил, как дела и как продвигаются приготовления к отъезду, Марьянка ушла от прямого ответа. Она поинтересовалась, как он чувствует себя на работе, и инспектор сказал, что прекрасно. С тех пор, как он вернулся, Авраам особенно остро реагировал на все, что было сказано и не сказано, что лежало на поверхности и было менее очевидно. Ничто от него не ускользало. Ни враки Хавы Коэн, ни страх в голосе ее помощницы, когда та согласилась на следующее утро приехать к нему в участок и дать показания, несмотря на то что это был канун праздника. Он поймал ее по телефону гораздо позже, к вечеру.

– Как поживают твои родители? – спросила Марьянка, и Авраам сказал, что увидится с ними завтра.

– А ты знаешь, что сегодня канун Рош ха-Шана? – сменил он тему.

Она не знала, и инспектор рассказал ей, что это самый любимый его день.

– Не знаю, как тебе это объяснить, – сказал он. – Наверное, тебе просто надо быть здесь.

Одна фраза все отдавалась у него в мозгу как эхо, но из-за расстояния между ними вслух он ее не произнес: «Когда в этот вечер заходит солнце, оно как будто осознает, что заходит в последний раз». Перед тем как попрощаться, он спросил Марьянку:

– По мне-то скучаешь?

И она ответила:

– Да.

* * *

А назавтра в полдевятого Натали Пинхасова появилась в его кабинете и через минуту уже рассказывала об угрожающем звонке. Это была двадцатидвухлетняя

девушка с бледным и красивым лицом. Авраам поблагодарил ее за то, что она согласилась в канун праздника приехать и дать показания. Почти все время Натали сидела с опущенными глазами, говорила тихим голосом и оглядывалась вокруг, словно в комнате был кто-то еще, кого она не видела. В ее каштановых волосах виднелись полоски красного цвета. Инспектор спросил, как долго она работает в этом садике, и Натали сказала, что с начала учебного года, меньше трех недель. Он заметил, что на затылке под каштановыми волосами у нее длинный шрам.

– Как вы попали на работу в этот садик? – задал Авраам следующий вопрос.

– Прежняя хозяйка меня порекомендовала. Я в прошлом году не имела постоянной работы. Заменяла помощниц в нескольких детсадах. Неделя тут, неделя там... Нынче в садиках трудно найти работу. Перед началом года мне позвонила одна женщина, у которой я работала, и сказала, что Хава срочно ищет помощницу.

– Почему же срочно?

– Потому что прежняя помощница ушла за несколько дней до начала года.

Инспектор разговаривал с девушкой деликатно. Предложил ей кофе или чай. Спросил, где она проживает. Оказалось, что Натали ездит на работу двумя автобусами и выходит из дома примерно в полседьмого. Садик открывается без четверти восемь, но ей полагается быть там на четверть часа раньше, чтобы помочь Хаве Коэн все подготовить и принять детей. Потом Авраам спросил, не заметила ли Пинхасова в садике чего-нибудь необычного, и она осторожно спросила:

– В каком смысле «необычного»?

– Ну чего-нибудь, что вас поразило. Что показалось вам необычным, и вы увидели некую связь между этим и подложенным муляжом.

Натали снова огляделась вокруг, и инспектор добавил:

– Обещаю: все, что вы скажете, останется между нами. Ни одно слово отсюда не выйдет.

Девушка пощупала свой шрам на затылке.

– Там было двое родителей. Которые перецапались с Хавой. Но не думаю, что это как-то связано с муляжом.

– Неважно. Я хочу, чтобы вы рассказали, как вам это показалось. Родители... И что там было?

– Они с ней переругались.

А Хава Коэн сказала Аврааму, что у нее ни с кем не было никаких конфликтов...

По словам помощницы, одна мамаша, Орна Хамо, новенькая, считала (и не зря), что ее сын основную часть времени проводит отдельно от остальных детей, сидит на стульчике в углу, и ему не разрешают сдвинуться с места, потому что он плакса. Эта мать внезапно появилась в саду через несколько дней после начала занятий, и у них с Коэн вышла дикая разборка. Она забрала сына из садика. А несколько дней назад пришел один отец, пожилой человек по имени Хаим Сара, и набросился на воспитательницу чуть ли не с кулаками – у него было подозрение, что дети избивают его сына. И Хава грубо его отшила. Сын Хаима Сары пока что продолжает посещать садик, но теперь его приводит только отец, а не мать – возможно, чтобы пострадать воспиталку.

– Вы считаете, что кто-то из них может быть связан с муляжом? – спросил Авраам.

– Не думаю, не знаю. Может, она... – начала отвечать Пинхасова и замолчала.

Было что-то еще, чего девушка недоговаривала.

– Натали, я хочу объяснить, почему вы обязаны рассказать мне все, – настаивал инспектор. – У нас есть подозрение, что чемодан – это лишь предупреждение и что тот, кто его подложил, может выкинуть гораздо более опасный номер, который подвергнет опасности детишек садика. Понимаю, что вы боитесь

потерять работу, но я обещаю, что все сказанное здесь останется между нами.

– Был звонок, – тихо сказала Натали. – В тот день – ну, с чемоданом – позвонила какая-то женщина.

Авраам весь напрягся и ткнул кончиком своей ручки в открытый блокнот.

– И что она сказала?

– Сказала, что это только начало. Что чемодан – это только начало, так, мол, Хаве и передай.

– Начало чего? Попробуйте вспомнить слово в слово.

– Это то, что она сказала: «Чемодан – это только начало. Передай этой стерве Хаве, что это только начало». И повесила трубку.

– А трубку взяли вы? В котором точно часу это было?

– Я не помню. Посредине дня. Когда детишки спали.

– Хотя бы примерно в какое время?

– Может, после часа.

Ответ на следующий вопрос был Аврааму известен, и все же он спросил, сообщила ли Пинхасова Хаве Коэн об этом звонке.

– Конечно, я сразу же сказала ей, и она ответила, что это точно ошибка, – сказала Натали. – Что к ней это не относится и там просто ошиблись номером.

– И она попросила вас никому про этот звонок не говорить?

Девушка побледнела, и полицейский испугался, что она сейчас разрыдается.

– Она боится, что это напугает родителей. Она и вчера в конце дня позвонила мне и попросила не говорить ни слова, потому что посыплются новые допросы и придут новые полицейские, и этот балаган напугает родителей.

В тот час, когда звонили в садик, Амос Узан сидел напротив Авраама, в следственной камере, и никому звонить не мог. И вряд ли он способен исказить свой голос под женский, даже если б такая возможность у него и была.

– Вы точно уверены, что говорила женщина? – спросил инспектор.

– Да. Голос был женский.

Он все же показал Натали фотографию Амоса, и она долго рассматривала ее, прежде чем сказать, что никогда в жизни его не видела.

* * *

Авраам проводил девушку до выхода из участка и попросил у дежурной номер телефона Бени Сабана, после чего закурил на ступеньках сигарету. При звуках голоса нового шефа он вдруг подумал, что впервые говорит с ним по телефону и даже не знает, как к нему обращаться.

– Бени? – спросил он.

– Слушаю. Кто говорит?

– Инспектор Авраам. Простите, что мешаю в праздничный вечер, но решил проинформировать вас по поводу чемодана.

– Какая Дана? Кто говорит?

В трубке звучал грохот молотка, и Аврааму показалось, что кто-то разговаривает по-арабски.

– Чемодана. Чемодана, что на улице Лавон. Возле детсада. Говорит инспектор Авраам, из участка.

– А, Ави! Как дела? Рад вас слышать. И что же с тем чемоданом? Жуткая слышимость!

– Я хотел сказать, что вы были правы. Это предупреждение. Я обнаружил, что в этот же день в детсад позвонила какая-то женщина и пригрозила, что это только начало.

– Круто. Круто. Рад это слышать. И что вы делаете по этому поводу?

Инспектор не понял вопрос.

– Это может означать, что арестованный нами человек обвиняется ошибочно, – сказал он. – В момент получения этой угрозы он сидел у меня в следственной камере. И, видимо, нужно искать женщину, а не мужчину. Или, по крайней мере, и женщину, и мужчину. Кроме того, информация поступила ко мне не от воспитательницы, которая пыталась ее скрыть.

Разговор прервался, и Сабан не перезвонил.

Авраам собирался спросить его, вызвать ли срочно на допрос Хаву Коэн или стоит подождать до окончания праздника.

В участке стияла тишина, и большинство дверей были закрыты. Инспектор просидел до обеда, колеблясь и просматривая записи в своей записной книжке. Кроме информации о телефонном звонке, там появилось два новых имени: Орна Хамо и Хаим Сара, молодая мамаша и пожилой мужчина. К имени мамыши была сделана приписка: «Дикая разборка», а к имени Хаима Сары – «Набросился чуть ли не с кулаками». Этих двоих тоже нужно было вызвать на допрос. Внизу страницы заглавными буквами значилось: «ГОЛОС ЖЕНСКИЙ».

Авраам Авраам решил продолжить после праздника еще и потому, что в следующие три дня садик будет закрыт и детям ничего не угрожает. А Сабан перезвонил ему после обеда, уже домой, и одобрил его решение.

Когда инспектор ехал к дому, магазины были уже закрыты, и он купил в киоске шесть бутылок «Хайнекена» и три пачки сигарет.

Это был последний день года.

Года, в котором он встретил Марьянку.

Сам не зная почему, Авраам после обеда влез в машину и поехал к морю.

Берег был пустынным, а песок на пальцах – мягким и теплым. Инспектор разделся, вошел в воду и двигался вперед, пока она не накрыла его по грудь. Долго-долго он глядел на плоский сверкающий горизонт, а потом, закрыв глаза, нырнул.

Под вечер, пока инспектор шел по нескольким улицам, отделяющим его квартиру от квартиры родителей, он совсем не думал про старый чемодан с зеленой кожаной ручкой, который получила Хава Коэн, и об угрозе, которую она скрыла. Не думал он и про Амоса Узана, который, видно, и вправду вышел поутру из дома подышать свежим воздухом.

– Тебе в рубашке с коротким рукавом не холодно? – спросила мать, увидев Авраама на пороге. – Ты еще не заметил, что лето кончилось?

А отец поцеловал его в щеку и сказал:

– У нее зима наступает в июле. Ему что, свитер надевать, а? Или стеганую куртку?

Даже это уже не разозлило инспектора, как злило раньше. Без всяких речей и благословений они быстренько прикончили праздничный ужин. Мать, как обычно, подала печеночный паштет на кружочках помидоров, куриный бульон и жаркое из говядины, вид которого всегда вызывал у Авраама тошноту. Подняли тост за новый год и пожелали друг другу только здоровья, потому что ничего другого и не требуется, а потом, включив телевизор, смотрели концерт, где зал распевал песни вместе с ведущим. Когда отец задремал в своем кресле, мать стала расспрашивать гостя про Марьянку – когда она приезжает, и готово ли все в квартире, и решили ли они пожениться. Авраам отвечал кратко, хотя только об этом и думал – о предстоящих неделях, о дне, когда Марьянка приземлится, о том, как он повезет ее из аэропорта домой...

Припомнился ему и тот день, когда он прилетел к ней в Брюссель. Самолет приземлился в пять утра, и Марьянка ждала его в аэропорту.

Прошла всего лишь неделя с тех пор, как они расстались, но внезапно между ними возникло какое-то чувство изумления, даже шока, оттого, что такое и впрямь случилось – он взял отпуск с работы, причем бессрочный, и поехал к ней. В такси, везущем их в город, они сидели рядышком, но не соприкасаясь руками.

– Ты усталая, – сказал Авраам. – Когда проснулась?

И Марьянка ответила, что не спала вообще.

Инспектор уже искал на ее лице признаки сожаления о случившемся, но она улыбнулась ему и добавила:

– Ждала.

На цыпочках, чтоб не разбудить соседку, они вошли в квартиру. Марьянкина комната была широкой, но когда они ввезли в нее чемоданы и встали возле них, в промежутке между кроватью и шкафом, оба спросили себя, смогут ли прожить там неопределенное время. Авраам как-то вдруг задеревенел и сел на кровать, только когда Марьянка сказала:

– Да ты присядь!

Его колени уперлись в чемоданы.

– Хочешь, позавтракаем? – спросила Марьянка, и ее гость покачал головой. Когда он прилег на своей половине кровати, в ботинках и все еще в куртке, она потянула его за руку. Его лицо было рядом с ее, и он решил, что ей хочется, чтобы он ее поцеловал, но она сказала:

– Мне нужно побольше времени, чтобы посмотреть на тебя...

Разумеется, Авраам не стал рассказывать про все это матери и чуть позже десяти попрощался с ней и вернулся домой.

В канун праздника дети наигрались во дворе со своими двоюродными братьями и сестрами и после полуночи быстро заснули. Шалом свалился спать полностью одетый прямо в гостиной, и Хаим перенес его на матрас и раздел. Эзер сам снял рубашку и брюки и только успел прилечь на застеленный простыней диван, как его глаза закрылись. Оба много бесились, баловались и радовались тому, что играют со своими родственниками. Эзер все еще казался настороженным и отчужденным, но и он смеялся и участвовал в играх. С тех пор как Хаим запретил ему говорить о чемодане, он ни словом не упомянул ни про него, ни про своего первого папу.

Перед тем как выйти, Сара немного постоял в комнате – проверил ровное дыхание детей. Волосы у них были влажными от пота, а лица покраснелись. Они спали в маленькой комнате, той, что в детстве была его комнатой, с прямоугольным, глядящим во двор, окошком, на котором висела все та же белая занавеска. Теперь Хаиму отвели кровать в смежной комнате, бывшей когда-то комнатой его младших сестры и брата.

* * *

Был ли у него план?

Вроде бы нет. На миг он подумал, что нужно бежать, немедленно исчезнуть вместе с детьми, а потом сразу решил, что необходимо успокоиться и выждать. Не было никакой причины для побега. Он должен подождать, пока не забудется этот чемодан, а до этого времени как-то продержаться.

Сара знал, как это сделать. Подобным образом он жил многие годы. Возможно, таков был его единственный расчет: случится всякое другое и сотрет это дело из памяти. В том, что сотрет, Хаим не сомневался. Слушая новости, он ждал сообщений о криминальных событиях в районе. По радио перед праздником сообщили о попытке застрелить какого-то преступника на улице Шенкар.

В канун праздника Хаим все еще не знал, продолжает ли полиция искать того, кто подкинул этот чемодан, – его-то вызвали позже. До получения этой повестки Сара не думал, что такое случится, еще и потому, что у ментов уже был

задержанный – человек, который на его глазах попытался удрать и был схвачен. И даже если этого мужика и отпустили, сколько же полиция будет искать того, кто подложил к детсаду чемодан с муляжом взрывчатки и никому не принес вреда?

О том, что пошла непруха, он старался не думать, потому что это была одна сплошная головная боль. И в любом случае время – это его надежда во всем, и в том, что касается детей, тоже. Им требуется время. Если плана и не было, то цель у Хаима была: защитить детей. Позаботиться о том, чтобы они ничего не узнали, не пострадали. Насколько возможно, оградить их от боли и продолжить впечатывать свой образ в их память. Снова приблизить к себе Эзера, который из-за Джени отдалился.

Время скакнет, и все забудется.

Жизнь научила его, что все забывается, хотя сам-то он помнил все.

* * *

Выйдя из комнаты, где спали дети, Хаим отправил мать отдохнуть и привел в порядок гостиную. Убрал маленькие столики, приставленные к обеденному столу, и сложил во дворике штабелем пластиковые стулья. Адина помыла в кухне посуду. За ужином сестра лишь однажды спросила про Джени, и мать на их языке попросила не затрагивать этот вопрос при детях. Хаиму, как старшему сыну, полагалось произнести молитвы.

Когда Адина ушла, он приготовил матери стакан чаю. Им в первый раз удалось поговорить, и она сказала:

– Они выглядят хорошо.

– Привыкают, – ответил Хаим. Эзер и вправду улыбался теперь чаще, чем раньше, и даже присоединился к остальным детям, когда они запели праздничные песни.

Мать спросила, не выпьет ли Хаим чего-нибудь тепленького, и он, подумав, пошел налить себе чашку чаю.

– Увидишь, что им будет лучше, – сказала пожилая женщина. – Она, как мать, о них не заботилась. Посласти сахарином вместо сахара.

Сара подождал, пока чайник снова не закипит.

– А вот насчет садика... Ты уверен, что там всё в порядке? – спросила мать.

– Да, – ответил Хаим.

– Молодец, что устроил воспитательнице разнос, – снова похвалила его мать. – Она больше не посмеет такое тебе устраивать. А что у Эзера в школе?

– Учится хорошо, – ответил Сара. Про муляж он все еще ни словом не обмолвился, так как знал, что она разволнуется и взвинтит и его тоже.

– Они о ней много спрашивают?

– Нет. Иногда.

– Дети мало что понимают, – вздохнула мать. – А как у тебя с деньгами?

– Справимся, – заверил ее Хаим и больше ничего не добавил.

* * *

Праздники всегда были делом трудным. Работники Департамента внутренних дел и Налогового управления, расположенного в Холоне – главные его клиенты, – разбрелись по отпускам, и даже если конторы работали как обычно, часть сотрудников отсутствовала. Больше людей приносили еду из дома. За все про все в эти две недели Хаим приготовил и продал меньше половины бутербродов, чем зимой.

У него были идеи, как увеличить заработок, но пока он решил об этом не говорить. Хаим запланировал снова продавать горячие обеды, мясное блюдо с рисом и салатом, как делал, когда открыл это дело, до экономического кризиса.

Он надеялся, что, если предложить блюдо за двадцать пять шекелей, спрос все же появится. А можно еще выставлять на продажу бутылки и банки с напитками, но их нужно продавать охлажденными и по более низкой цене, чем в автоматах. Кроме того, Сара решил проверить у двоюродного брата, устроившего ему работу в Холоне, нельзя ли вести торговлю также и в филиалах, в других городах – скажем, в Ришоне или в Рамат-Гане. Другая возможность – в свободные утренние часы подрабатывать рассыльным. Но тяжелых перевозок и многих часов за рулем Хаим боялся. Так или эдак придется работать побольше и в течение дня, и вечером, дома. Это его как раз не пугало. В последние месяцы Джени все равно не работала, и они тянули только на доходы с его бизнеса.

– Адина будет приезжать, помогать тебе с детьми, – сказала мать.

– Не нужно, – возразил он. – Я хочу сам больше с ними бывать.

– Но ты видел, как она здорово с ними управляется?

Хаим видел. Мать посадила Адину рядом с Шаломом, и та весь вечер следила за ним, очищала рыбу от косточек, вымыла ему руки, когда он вымазался маслом, – все, чего Джени никогда не делала. Когда двоюродные братья стукнули его сзади, малыш побежал именно к ней. Ей было сорок пять – разведенка, бездетная. Два года назад эта женщина стала убираться у его матери. Она жила поблизости, и они сдружились. Адина была благодарна за то, что его мать пригласила ее на праздничный ужин.

– Жаль, что Господь не наградил ее детками. Хорошая вышла бы мама, – сказала она, а Сара встал и поставил чашку с чаем в раковину.

Лежа в постели, он слышал, как она открывает и закрывает кран в кухне, а потом сливает воду в туалете. Подумал, что, возможно, это было ошибкой – прийти к ней на праздники с детьми, хотя и не знал, что ему одному делать с ними четыре дня. Оба мальчика обрадовались, что будут ночевать у бабушки дома. Особенно малыш Шалом. Он спросил, что будет, если мама вернется, а их нет в квартире, и Хаим успокоил его. Сказал, что в праздники она не вернется. Но он опять недостаточно разговаривал с детьми, а ведь обещал себе, что будет. Предоставил матери говорить вместо себя. Будто что-то в ней делало его слабым, хотя она и сама была слабой и просто пыталась помочь. Ей исполнилось восемьдесят. Отец был гораздо старше ее – и умер в пятьдесят шесть лет.

Перед сном Хаим запер дверь изнутри, потому что боялся, как бы именно в этом доме ночью не встать и не уйти, и знал, что, если дети проснутся и им что-то понадобится, чутко спящая мать сразу услышит.

* * *

Назавтра Хаим отправился в синагогу, которую посещал его отец.

Он выспался и чувствовал себя свежим и более уверенным в себе. Тело его словно стало моложе и энергичнее. Сара думал, что не найдет в синагоге свободного места и приготовился стоять во время молитвы, но маленькое помещение не было заполнено. Большинство молящихся оказались стариками, наверное, в возрасте его матери. Мало кто из присутствующих знал Хаима в лицо, и они здоровались с ним кивком головы или желали ему счастливого нового года. Он сел возле отца Шломо Ахоана и попытался молиться с усердием, но потерял место в молитвеннике и заскучал по своим деткам, которые, когда он ушел, еще спали. Ему хотелось взять их на прогулку в цитрусовую рощу, где он когда-то в детстве играл с отцом.

Когда Сара вернулся перед обедом, его сыновья сидели на ковре и тихо смотрели телевизор. Жалюзи были прикрыты из-за солнца, и в доме царил почти полный мрак. Эзер сидел скрестив ноги, а его братишка лежал рядом с ним. Мать устроилась позади них на диване, держа в руках вазочку с очищенным от кожуры миндалем и грецкими орешками. Может, из-за того, что он увидел во взгляде Эзера, Хаим вдруг спросил:

– Хотите поговорить с мамой?

Шалом вскочил с места и обхватил ему ноги. Эзер сдержанно взглянул на отца, и тот увидел в его глазах радость. Может, его программа начала разворачиваться? Они пошли в спальню матери Хаима, где он набрал телефонный номер. И подождал. Он сидел на кровати хозяйки дома, а дети стояли рядом, глаза на него. Потом услышал голос, объявивший:

– Вы попали к Хаиму и Джени Сара. В данный момент мы не можем ответить. Можете оставить свое сообщение.

Он положил трубку и сказал:

- Не отвечает.

- Почему не отвечает? - спросил Шалом.

- Может, спит.

- Может, она не хочет с нами говорить? - предположил Шалом, и Сара ответил:

- Вот тут же позвоним еще раз.

Эзер молчал, и в его больших глазах, которые накануне улыбались, Хаим увидел слезы.

- Я поговорил с мамой утром, - сказал он. - Перед тем, как вы встали. Мы сейчас ей снова позвоним.

Мать вошла в спальню и сказала ему на фарси:

- Может, лучше сказать им, что она не вернется?

Хаим промолчал.

Ничто из этого не было запланировано. И он не был уверен, что это хорошая мысль. Хотя так обрадовать их вначале... Они вышли из спальни, и Шалом сказал отцу:

- Правда же, я первый поговорю с мамой, перед Эзером?

- Вы сразу оба поговорите, - пообещал Сара.

И они снова улеглись на ковер в темной гостиной.

Мать Хаима предложила Шалому пойти пособирать листья во дворике, но он сказал:

– Нет, я хочу остаться с Эзером.

Хоть и зная, что Джени не ответит, Хаим снова отвел детей в спальню, и они ссорились, решая, кто будет стоять ближе к нему, пока он набирал номер и ждал, а потом вместо голоса Джени услышал собственный голос:

– Вы попали к Хаиму и Джени Сара... Можете оставить свое сообщение.

В последний раз с ним пошел звонить только Шалом, а Эзер остался у телевизора.

* * *

На другой день праздника, в пятницу, мать взяла их к Адине, сказав внукам, что та приготовила для детей тарелочки со сладостями и дольками яблок в меду и наполнила дом игрушками. Она, мол, пригласила сына сестры, который на несколько лет старше Эзера, и они вместе поиграют в мяч. А потом все вместе у нее пообедуют.

Шалом обрадовался, что пойдет в гости, особенно когда услышал про тарелочки со сладостями. А Эзер пошел с каменным лицом, не произнося ни слова, будто во сне. После того как им не удалось поговорить с Джени, он снова стал замкнутым.

Хаим ремонтировал стену в ванной – соскоблил наждачной бумагой облезшую, облупившуюся штукатурку, по которой из-за постоянной влаги расплзлась темная плесень; и когда стена подсохла, наложил новый слой водоотталкивающей краски. По всем каналам передавали песни и никаких разговоров. Сара думал, как ему подступиться к Эзеру. Потом он вынес радио во дворик и закончил подправлять бетонную дорожку, ведущую к дому. Жара снова стала невыносимой, и он снял рубашку. Спина у него болела, и все же он работал быстро, пытаясь прогнать мысли. Была б возможность, выбрал бы остаться здесь, несмотря ни на что. Вдали от их общей квартиры, от маленькой детской, в которую по вечерам светят окна соседнего дома. Неужели здесь он меньше боялся, потому что отцовская сила в этом месте ощутимее, потому что он тут все еще дома?

Хаим подогрел рис с курицей и в одиночку поел на кухне. Сам не зная зачем, пошел в спальню матери, но лишь присел там на кровать, а набирать номер не стал. Потом прилег и задремал. Вернуться в синагогу, как собирался, он не успел.

Назавтра пришел младший брат с детьми и забрал детишек в бассейн.

* * *

Только когда они в субботу вечером вернулись в Холон, Эзер вдруг заговорил.

Они проехали через Яффо, потому что там были открыты лавки, и Хаим купил зелени, яиц и сыра. Он позвонил в «Пекарни Братьев» и оставил на автоответчике напоминание, что завтра ему потребуется лишь половина от обычного количества булочек. Шалом задремал в машине, потому что не спал днем, и отец на руках отнес его в кровать, а потом поднял пакеты с продуктами. Было еще рано, и Эзер уселся смотреть телевизор, а когда программа закончилась, сам же телевизор и выключил. Хаим поставил варить яйца на кухне и нарезал овощи, а вернувшись в гостиную, увидел, что Эзер стоит у окна и смотрит сквозь прорези жалюзи. Его тельце в белой трикотажной рубашке было маленьким, ноги – худенькими и темными.

– Ты уроки приготовил? – спросил его отец.

– Мама больше не захотела с нами жить? – спросил мальчик вместо ответа.

Хаима будто хлестнули по лицу.

– Она на какое-то время уехала и позже вернется, – сказал он и почувствовал, что на этот раз нужно сказать больше.

Эзер повернулся и взглянул на него чужим взглядом.

– Почему она уехала?

– Потому что соскучилась по дому, по своей стране. Она давно хотела туда поехать. – Образ отца встал перед Хаимом, и он спросил Эзера: – Может, хочешь, чтобы мы снова ей позвонили?

Шалом закашлялся в кровати, а Эзер сказал, что не хочет. Яйца уже закипали, и Хаим пошел убавлять огонь. Вернувшись, он, как ему запомнилось, положил руку Эзеру на плечо и сказал, что пора спать.

– Если мама родилась в другой стране, как же ты ее встретил? – спросил мальчик.

Тогда ли Сара понял, что ради их спасения от боли придется сказать им правду? Что иного пути нет?

– Она приехала сюда поработать, так я ее и встретил, – рассказал он.

– Как?

– На работе. Она где-то работала, а я пришел туда и увидел ее.

– И решил на ней жениться?

– Да.

...Это было примерно через год после того, как Джени приехала в Израиль. Еще толком и на иврите не говорила. Работала она у соседа матери Хаима, вдовца, сломавшего шейку бедра и позже умершего от инфаркта. Встретились они не в доме этого вдовца, а у матери. Джени пригласили на ужин, и Хаима тоже. Семья вдовца собиралась определить его в заведение для инвалидов, и Джени теряла работу, а ее право на пребывание в стране уже истекло. Сара не помнил, что на ней было надето, потому что не обращал внимания на такие тонкости. Он просто помнил, что во время ужина все сидели тихо и что Джени выглядела смущенной. Она не знала, что и он там будет, но поняла, зачем устроили этот ужин. И он не мог сказать, когда и как они встретились во второй раз. Через несколько недель они вечером вышли в тайский ресторан, и Джени разъясняла ему меню. А когда поняла, что из него слова не вытянешь, заговорила сама. Быстро и помогая себе руками, рассказала про родителей, что оба они умерли, когда она была еще

ребенком, – сперва умерла мать от тяжелой болезни, а через два года отец, от горя. И про сестру, вышедшую замуж за турецкого торговца и проживающую в Берлине. На Филиппинах у нее никого не осталось, а в Израиле – так она сказала – ей работалось хорошо. В ней была живость, чуждая Хаиму, но эта живость ему понравилась. Она могла болтать и болтать, а он только слушал. Про свадьбу они тогда еще не говорили. И про детей тоже...

Эзер смотрел на него, и по его взгляду Хаим понял, что он хочет, чтобы отец продолжал.

Свет по большей части проникал в гостиную из кухни, да еще немного просачивался с улицы, сквозь жалюзи.

Сара мог часами глядеть на лица своих сыночков, но не по той причине, что большинство родителей, – так он думал. Хаим глядел на их узкие глаза, на их чужестранные черты лица и пытался понять, чем они отличаются от его лица и чем все же похожи на него, несмотря на свою инакость. Про Шалома всегда говорили, что он все же чуточку больше похож на Хаима, но характером вышел в Джени – живчик и болтун. А вот Эзер, который молчаливостью и закрытостью так напоминал ему его самого, больше был похож на Джени, иногда казался точной ее копией...

А чужесть с их лиц никогда не сотрешь. Хаим ловил это по взглядам других людей.

– Почему ты решил на ней жениться? – спросил Эзер.

– Может, потому, что она много смеялась, и мне это понравилось, – сказал его отец.

– А мы когда родились?

– Ты родился первым. Примерно через год.

Хаим помнил и роды. Крики Джени, собственный страх, что с его старшим сыном может что-то случиться при родах. Врач родильного отделения не согласилась госпитализировать Джени; даже когда признала, что у той схватки, она велела

вернуться через несколько часов, и Хаим был уверен: это все потому, что Джени чужая. Но он не сумел настоять на своем и вернул ее домой, извивающуюся от боли...

* * *

Эзер очистил яйца от скорлупы, растолок их с тунцом в миске и перемешал. Хаим нарезал на дольки лук и высыпал его в миску. «Так вот и нужно, – подумал он, – и со временем так оно и будет». Несмотря на чемодан, чем больше дней проходило без Джени, тем больше он верил в себя. Да и Эзер был спокоен. Пока мальчик чистил зубы, он спросил, где находится страна Филиппины, и Хаим сказал, что она далеко, на расстоянии больше десяти часов полета. В кровати старший сын лежал не в той застывшей позе, которая так потрясла Хаима, а на боку и лицом к отцу. Сара спросил, не хочется ли ему, чтобы он остался у них в комнате, и Эзер ответил:

– Знаешь, я раньше думал, что мама не вернется.

Отец улыбнулся ему:

– Нет, она вернется через какое-то время.

– Теперь я уже знаю. Но я проверил в ее шкафу, а там пусто. Она все свои вещи забрала.

Хаим подавил охватившую его дрожь. Он не помнил, чтобы Эзер заходил в их спальню, – а ведь вроде бы все время находился при детях в квартире...

– Когда ты смотрел? – спросил он.

– Несколько дней назад. И еще я нашел в ящике ее цепочку, а она говорила про нее, что всегда будет брать ее с собой.

Что за цепочка, Хаим не понял.

– Из бусинок, – объяснил мальчик. – Которую мы делали все вместе. Мама сказала, что будет брать ее повсюду, а вот не взяла.

– Да небось забыла, – сказал Хаим и погладил его по щеке. Он собрался поцеловать сына и выйти из комнаты, но Эзер продолжал:

– И еще я подумал, что мама не вернется, потому что она уехала, а нам с Шаломом не сказала, что уезжает. – Голос у него был тихим, почти спокойным.

– Она просто подумала, что так вам будет легче, – сказал Хаим, и Эзер тотчас ответил:

– А знаешь, первый папа мне сказал, что она не вернется. Он помог ей убежать с чемоданом.

На этот раз Сара не потерял самообладания.

Эзер понял, что сказал нечто запрещенное, и в глазах у него мелькнул страх, но, к его удивлению, Хаим подбодрил сына, чтобы тот продолжал говорить.

– А он, что же, ее видел? – спросил мужчина, и Эзер поколебался, прежде чем ответить:

– Ночью. Он помог ей сбежать, а мне сказал, что она не вернется.

– Но сейчас-то ты знаешь, что вернется, так ведь?

– Да, – сказал Эзер и улыбнулся отцу.

* * *

В ту ночь Хаим впервые протянул нитку и между створками двери в детскую.

Разговор с Эзером потряс его, хотя он сдержался и не выдал себя. Выйдя из детской, мужчина открыл шкафы в спальне и заглянул в них, а потом проверил в ящиках комода, стоявшего у кровати, но никаких бус там не нашел.

Совершенно непонятно.

Хаим проверил все ящики. Он вроде бы не помнил, чтобы видел у Джени на шее бусы. И вдруг в голову ему влезла мысль, что Эзер по ночам пробуждается, как и он сам, и без его ведома бродит в темноте по дому. Сара приклеил липкой лентой нитку на уровне выше колена, чтобы если вдруг Шалом проснется, он не наткнулся на нитку и не упал. После этого Хаим попытался работать, но не сумел ничего сделать. Он рано улегся в постель, но ему не спалось. Сон бежал от глаз, и они не смыкались. Все предвещало надвигающиеся проблемы. А назавтра, еще до обеда, раздался звонок из полиции.

5

Когда за несколько минут до назначенного часа Авраам вошел в зал заседаний на втором этаже, там было пусто.

Он налил себе в бумажный стаканчик кипятку, приготовил черный кофе и занял обычное место у окна, глядящего на стоянку патрульных машин.

Инспектор хорошо подготовился к заседанию отдела расследования, первому после возвращения. В праздники он снова перечитал все материалы по делу и серьезно их проанализировал, а в субботу поехал на своей машине на улицу Лавон – чтобы просто побывать там, уловить нечто, что прежде он упускал. И в голову ему пришло несколько идей, для осуществления которых требовалось разрешение: прекратить слежку за Амосом Узаном, увеличить патруль в районе детсада и подключить к расследованию дополнительного сыщика по причине особой срочности. На самом деле из-за нехватки сыщиков слежка за Узаном прекратилась еще перед праздниками – ведь интерес к нему так и так подостыл...

С точки зрения Авраама, усиление полицейского надзора преследовало несколько целей. Первой целью был человек или люди, подложившие чемодан и позвонившие с угрозами. Это должно было предостеречь их от дальнейших запугиваний. Второй целью являлись обитатели квартала – увеличение патрульных машин придаст им чувство спокойствия. Третьей целью – возможно, самой важной – была Хава Коэн, заведующая детсадом, солгавшая инспектору и утаившая факт телефонной угрозы. Авраам считал, что патрульные машины

нагонят на нее страху. Надо, чтобы каждый раз, выходя или входя в детсад, она видела патрульную машину, проезжающую по их улице или останавливающуюся возле него. На допрос Авраам решил пока ее не вызывать.

Настораживало предупреждение, что, мол, чемодан – это только начало.

* * *

Когда он заговорил, в зале наступила тишина – может быть, потому, что он так долго не участвовал в заседаниях отдела. Только Бени Сабан проявлял нетерпение. Его глаза снова заморгали, и шеф как бы невзначай прикрыл их ладонью. При этом он не переставая барабанил ручкой по столу. Вначале Сабан поздравил Авраама с возвращением и оповестил присутствующих, что тот перед праздниками приступил к расследованию истории с поддельной бомбой на улице Лавон. Затем попросил Авраама первым взять слово.

– Как и говорилось ранее, речь идет о муляже бомбы, который в прошлое воскресенье подложили в чемодане к детсаду на улице Лавон в Холоне, – начал инспектор. – Прочесывание местности особых результатов не дало, но был задержан подозреваемый – на основании невнятных показаний соседки, уверявшей, что она видела человека, этот чемодан подбросившего. Подозреваемый допрошен мною и отпущен, но продолжает оставаться под наблюдением. За неимением фактических находок или каких-то разведывательных данных расследование концентрируется на возможных мотивах для подкладывания муляжа. В первые дни я пошел в нескольких направлениях: детсад, дом, во двор которого подложен чемодан, и винная лавка «Вина города» в соседнем доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Рош ха-Шана – еврейский Новый год, который празднуют два дня подряд в новолуние осеннего месяца тишрей (тишри) по еврейскому календарю (приходится на сентябрь или октябрь). С этого дня начинается отсчет дней нового еврейского года.

2

То есть к раввину.

3

Нисан – в еврейском календаре первый месяц библейского и седьмой гражданского года. Приблизительно соответствует марту-апрелю григорианского календаря.

4

Это дело описано в романе Д. Мишани «Метод инспектора Авраама».

Купить: https://telnovel.com/ru/mishani_drор/skrytaya-ugroza

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)